Содержание

Чернобыль— наша память

Вниманию читателей предлагаются воспоминания белорусов, переживших трагедию Чернобыля, без редакторских правок с сохранением стилистики и авторских особенностей изложения текста.

знаю, как ей удается держать меня на плаву. Сейчас побриться сам не могу, жена и медсестра и парикмахер, и по дому, и сантехник, и электрик, и уборщица, и сиделка, и тоже сама инвалид II группы, онкология желудка, 10 лет назад его удалили.

Пенсия у меня нормальная, благодаря тому, что у меня был хороший заработок до аварии, работал дальнобойщиком. После Чернобыля работать стало тяжело, еле таскал ноги, так болели, общая слабость. Дали двухкомнатную квартиру вместе с женой, в самом «лучшем» месте в п. Гатова, в аварийном новом доме, где с крыши затапливает до первого этажа. Льготы 10% на лекарства, 120 кВт часов по льготной цене и по квартире скидка оплаты где-то 30%. На жизнь хватает, даже ежемесячно помогаю детям и внукам, потому что на их зарплаты жить и учить детей тяжело. Здоровья нет, хорошо, что хоть ежегодно можно полежать, обследоваться в госпитале в Баравлянах. Но уже и туда нет сил ездить, врачи говорят: что вы от нас хотите, если вы от макушки до пяток больны. Действительно, я ходячий справочник, где описаны все болезни. Не хочется говорить, ничем помочь нельзя, и облегчить боль не удается. Раньше еще 26 апреля хоть вспоминали об этой трагедии, а сейчас молчание, удивляются, что я еще живой. Не знаю, доживу ли до тридцатилетия. Да и не ликвидатор я сейчас: с 16.04.2012 г. я уже просто «пострадавший от катастрофы на Чернобыльской АЭС и других радиационных аварий». Но ведь я был именно ликвидатором, работал уже после аварии, а не пострадал во время аварии. Но мы маленькие люди, придется терпеть и это унижение.

Когда к нам приезжали немцы, время было осеннее, в саду росли вкусные пахучие яблоки штрефель. Я взял новый полиэтиленовый пакет, нарвал яблок для немцев, они говорили: «Апфель, апфель», но есть не бросались, оно и понятно – боялись радиации. На прощание сняли нас с женой, идущих по деревенской дороге вдаль.

Так и ковыляем вдвоем.

работе по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС объявляется благодарность.

А по возвращению в Аркалык в мая 1987 г от моей работы АТП «Тургай алюминстрой» мне даже дали путевку в санаторий от ЦК в Сочи, имени Фрунзе, там были одни коммунисты, один я простой шоферюга. Даже стихи мне написал Игорь Смирнов – генерал-майор в отставке, ветеран КПСС, ВОВ и труда, персональный пенсионер, заслуженный учитель и поэт Грузии. Все там было на высшем уровне.

Дорогие участники Великой Отечественной Войны, вы спасали Родину, своих детей, матерей, но главное, вы знали врага в лицо. Мой отец, инвалид войны, давно умер, но он так и не понял разницы между мной и собой. Я ведь ни с кем не воевал. Не стрелял. А в действительности поражен невидимым врагом, имя которого – РАДИАЦИЯ. Поражен на много больше и совсем в молодом возрасте. Ни за что страдают дети, мои внуки и мои племянники, живущие в Гомельской области. Участники войны одержали победу над врагом, мы победу не одержали, а остались вечными заложниками мирного атома.

На пенсию пошел в 1990 г., признали острую лучевую болезнь, то есть, связали это с Чернобылем на медицинском уровне. Дали пожизненно 2 группу, 100% нетрудоспособность. В 1990-х годах жили у тещи в деревне Гритчино Дзержинского района. С работы ушел, пенсию еще не начислили, не получал, двое детей, дочка училась в институте, сын в школе. А тут приехали люди из Германии, у нас простая деревянная довоенная хатенка, контейнер с вещами еще не пришел из Казахстана, в общем вид для немцев удручающий. Беседовали, расставили аппаратуру, снимали кино. А время у нас было такое, что за сигаретами стояли очереди, и достать их было трудно. Вот они и дали мне блок сигарет, а между ними втихаря засунули деньги, не знаю сколько. И тогда я, бывший уже без работы и еще не получивший первой пенсии, деньги вернул назад, сигареты оставил. Если бы они просто дали, а не спрятали между сигаретами, может быть и взял бы.

Работник из меня уже давно никакой. Все ложится на плечи жены Ванды, которая почти 29 лет старается поддержать меня. Не

«Мои дети бегали по загрязненным лужам, а я радовался»

Он жил 40 километрах от Чернобыльской АЭС. Грянул взрыв. И на протяжении нескольких месяцев этот человек наблюдал за хаосом и недомолвками властей, которые вылились в бардак с эвакуацией. Накануне 31-й годовщины Чернобыльской катастрофы Адам Воронец, принимавший участие в переселении детей из загрязненной зоны, поделился своими воспоминаниями.

Я, Воронец Адам Адамович, 1953 года рождения, родился в деревне Микуличи Брагинского района Гомельской области. После окончания средней школы поступил на географический факультет Могилевского государственного педагогического института, который успешно окончил в 1974 году.

После окончания института я был направлен преподавать географию в Грозовскую школу-интернат Копыльского района. Там встретил свою будущую жену,тоже учителя, и после свадьбы мы переехали на мою родину – в Брагинский район. Устроились на работу в Остроглядовскую среднюю школу, одну из крупнейших и лучших школ Брагинского района. Мы сразу нашли свое место в учительском коллективе. Вспоминая работу в Остроглядовской СШ, скажу, что это были наши лучшие годы работы в системе образования. Ученики были послушными, много было способных, был очень хороший контакт с родителями.

У нас родилось двое детей: Александр – 1979 года рождения и Мария – 1981 года.

На момент катастрофы мы уже прожили там восемь лет, сыну исполнилось 7 лет, дочке – 5.

Об аварии мы узнали на следующий день. 27 апреля. Но не из официального сообщения, а от знакомых, чьи родственники или друзья работали около атомной станции. Информация доходила через пятые-десятые руки.

Кстати, зарево, образовавшееся сразу после взрыва, было видно даже у нас в Остроглядах – деревня находилась в 40 км от станции. Моя жена ночью вставала и видела неестественный крас-

ный край неба. Но на утро она мне об этом даже не сказала – не придала значения, думала какое-то природное явление.
Хоть информация от знакомых стала доходить, никто серьезность аварии не осознавал. Лично я этим слухам не придал большого значения. Знал, что расстояние до ЧАЭС не малое, да и верил в безопасность АЭС с их многочисленными уровнями защиты. Были выходные дни, и никакой информации от государственных каналов радио и телевидения не поступало, руководители местной власти тоже не владели информацией.

Только в понедельник, 28 мая, в программе «Время» было короткое сообщение. Смысл такой – «произошла авария на Чернобыльской АЭС, принимаются меры по ее ликвидации». На следующий день эта информация повторилась в газете «Правда».
Слухов становилось больше, потому, что некоторые люди из Брагина и окружающих деревень, которые работали на ЧАЭС и в городе Припять, стали возвращаться домой, и рассказывали, что там видели.

В те дни стояла какая-то неестественная жара. Прошел дождь, и мои дети бегали во дворе по лужам. Я радовался: пусть бегают по теплой воде, закаляются. Потом оказалось, что это было очень опасно, вода была насыщена смертоносными радионуклидами и я до сих пор не могу простить правительству, что оно так отнеслось к здоровью людей, особенно детей.
Власти молчали, но в последующие дни местные руководители стали вывозить своих детей. Для людей это был сигнал: дела плохи. Узнав об этих разговорах, директор школы запретил нам, учителям, вывозить детей. Сказал: не разводите панику.

На майские праздники мы отвезли детей от греха подальше в Слонимский район деревня Шиловичи к теще. Помню, говорим ей: у нас опасно, авария. А в этот момент по телевизору в программе «Время» как раз показывают наш совхоз: бегает трактор, сажает картошку, капусту, а парторг Николай Афанасьевич Данченко заявляет: у нас все хорошо. Теща посмотрела удивленно: что вы панику подняли?! Мать жены не верила своим детям! Настолько сильна была вера людей телевидению и газетам.

В один из майских дней нам сообщили, что всех будут вы-

возведении саркофага, просто рвали водительские удостоверения, удирали и не хотели ехать сюда. А нам все отвечали, что не подъехала нам замена. Во время возвращения с работы засыпал на ходу, во рту было плохо.

На мой взгляд, на момент ликвидации аварии там вокруг было очень много бесполезных людей, которые ходили, облучались, не принося никакой пользы.

На отрезке 19 км 500 м моего маршрута были населенные пункты, из которых в спешном порядке были эвакуированы люди. Им сказали, что через 3-4 дня они вернутся, а поняв, что возврата нет, они всякими правдами и неправдами пытались проникнуть в свои жилища. Голосует молодая женщина и просит подвезти до ее дома, говорит: «Там мое все добро осталось, а нам нужно переодеться самим и детям». Я ей говорю: «Туда нельзя». И не выдержав перед ее просьбами, против своей воли, посадил в машину, она легла вниз, чтобы быть незамеченной и доехала до своего дома.

У меня уже где-то через недели 2-3, десны начали подниматься, зубы оголяться и начали выпадать. Я при имевшихся у меня 29 зубах потерял в Чернобыле почти половину, остальные выпадали по приезде домой. В итоге я с 1987 года потерял все зубы и сейчас без них, искусственные протезы есть, но не могу их носить.
Люди работали там всех национальностей: сибиряки, украинцы, беларусы, грузины, молдоване, казахи, чеченцы и т.д.

У нас был майор из Ленинграда, он командовал в I порту, честный, благородный, душу отдавал работе, проработав 1,5 месяца, уехал домой, жена звонила, просила выслать документы о его пребывании на этой работе. Потом через неделю позвонила – не надо, умер.

Там, в течение трех месяцев мною получена доза внешнего гамма облучения 192 Бэра (предельно допустимая доза – 25 Бэр). Начальник штаба в/ч 55237 В. Калашников выписал нам справки, необходимые документы и в сентябре месяце автобусом довезли нас до п. Тетерево на Украине, а дальше добирались кому куда надо.

По окончанию работы на имя руководителя предприятия АТП треста «Тургай алюминстрой» Дудика Виктора Васильевича отправили благодарственное письмо, где мне за активное участие в

кая радиация. В основном там работали танкисты – разравнивали бетон, бульдозеристы и мы – водители. По истечении рабочей недели и выполнения мною плана – выдавали премию от 30 до 150 рублей, по усмотрению начальства по-разному, но постоянно.
Хотелось очень спать и все время горечь во рту, просто страшная, пить хотелось очень. Правда в машине всегда был ящик с боржоми или минералкой. Пустые бутылки сдавали в ящике и получали новые.

Не скажу, кормили хорошо, ешь, что хочешь, даже в начале давали 100 грамм икры красной и черной. Масло сливочное ешь от пуза. Но почему-то при обильной и калорийной пище, а мы, приехавшие сюда в теле, стали выглядеть худыми и доходячими, с чувством невидимого страха в глазах перед неизвестностью. По окончанию смены, поднимались на лифте на 9 этаж здания, находящегося на территории станции. Там мы мылись, переодевались, абсолютно в новую одежду, обувь на любой вкус. Мылись и переодевались три раза в день: перед завтраком, обедом и ужином. Проверяли аппаратом, поднесешь руки – звенит, помоешься – все равно звенит. Когда проверяли на радиацию, то что было интересно – одна нога зашкаливает, вторая - молчит. Через каждые три дня в самом г. Чернобыле сдавали анализ крови на лейкоциты и уезжали. В Чернобыле, по пути следования с речного порта до реактора кругом висели плакаты на белом фоне написано красными буквами: «Вы спасаете людей» и т.д. На выдаче одежды работали молодые женщины от 25 до 30 лет и более из г. Припять. Рассказывали, что работают, чтобы получить квартиру. Обещали дать в г. Киеве, Житомире, Ленинграде и Сосновом Бору.

Нас не просили быть добровольцами, а шли другие солдаты на сбрасывание кусков с крыши, работали 5 минут и их отправляли домой. Один казаченок лет 32-35 хотел идти на крышу, чтобы отправили сразу домой, у него дома пятеро детей. Я ему сказал не ходить ни за что, и он послушал и отказался. А то, говорю, кто будет детей поднимать на ноги, да учить.

Почему я так много времени работал: июнь, июль, август, сентябрь 1986 г., я не знаю, хотя я давно набрал нужную дозу для прекращения работы. Люди, узнав реальную опасность работы на

селять, с собой можно взять только деньги, документы и ценности. Обратно можно будет вернуться только через 90 лет. Мы поняли, что возвращения не будет никогда.

В один из майских дней родители привели детей к школе утром в назначенное время, их должны были эвакуировать вместе с учителями. Мы простояли на улице на жаре весь день, но автобусы по неизвестным причинам так и не пришли. Вечером нам сказали: отбой, все хорошо, эвакуации не будет. Все разошлись довольными: никто ж уезжать не хотел. Для нас это был праздник, мы вернулись домой и отметили это радостное для нас событие.
Но праздник быстро завершился. Через три дня детей в сопровождении учителей все же посадили в автобусы. Нас отвезли в пионерский лагерь около Гомеля – там мы провели месяц. Потом нас перевезли в пионерский лагерь «Энергетик» недалеко от Минска, по железной дороге Минск-Молодечно. Помню остановку электропоезда – станция «Зелёная».

А в конце августа нам сказали, что можно возвращаться в свою деревню.

Следует сказать, что нас в первые дни аварии не предупреждали о том, что нужно применять какие-то средства защиты. Только военные мягко указывали: мол, надо остерегаться, держать голову покрытой. Особенно обращали внимание на жену: она на жаре ходила в босоножках. Теперь у нее из-за этого большие проблемы: болят кости, суставы.

Говорили, чтобы не ели местные продукты. Но чем еще было питаться тогда? В Советском Союзе были перебои с продуктами. Вот и пили свое молоко, ели яблоки из своего сада, хотя после аварии на ЧАЭС, снабжение продовольственных магазинов улучшилось – появились такие деликатесы, как тушенка, сгущенка и другие, которых мы не видели.

Но 1 сентября дети в школу не пошли. Нам, наконец, внятно сказали: на этой территории оставаться больше невозможно, в течение месяца будут эвакуировать семьи в Добрушский район.
Местные жители целых пять месяцев жили на загрязненной территории в 40 км от АЭС. Поскольку наша деревня была большая, то эвакуировали людей в разные деревни Добрушского района улица-

ми. Вывозили семьи с середины сентября по конец октября.

Я выбрал для переселения деревню Уть, что в 50 км от Гомеля. Для людей переселение было очень тяжелым стрессовым событием. Люди плакали. Когда нам впервые сказали, что мы сможем вернуться через 90 лет, у нас был шок. А ведь многие местные жители дальше деревни и не были нигде, а тут их сорвали на другое место. Почти год переселенцы жили на подселении у местных людей, ожидали, пока им построят жилье.

В августе мы заселились в построенное жилье для переселенцев. Моя семья вместе с семьей учителя физики, завуча Остроглядовской школы, Булгакова Александра Ермиловича стали соседями. Но на новом месте Александр Ермилович не прожил и года. После большого почета на Брагинщине, этому человеку пришлось работать в группе продленного дня Утевской школы.
Я живу в этом доме до сих пор. Новую улицу назвали Остроглядовской по названию деревни, откуда переехали переселенцы. Всего на улице 25 домов.

Интересно то, что северная сторона Добрушского района, куда также эвакуировали людей, была загрязнена. То ли правительство этого не знало, то ли плохо измеряли. Например, некоторых людей переселили в деревню Дубовый лог, а затем эвакуировали во второй раз в деревню Лагуны.
Первые пять лет смертность переселенцев среди людей пожилого и среднего возраста была очень высокой. Они не могли найти себя на новом месте. Отношение к переселенцам было неплохое.
В школе к нам с женой относились хорошо. Мы быстро нашли свое место в коллективе.

В Утевской школе я преподавал историю и географию, а также руководил шахматно-шашечным кружком. И мои ученики добились больших успехов на этом поприще, подняв авторитет школы. Команда школы постоянно занимала первое место в районе и являлась призером на областном уровне.

Для меня очевидно, что государство на чернобыльскую проблему уже внимания практически не обращает. Особенно на людей. Отменены все льготы для ликвидаторов. Для властей лучше эту проблему замолчать, сказать, что все хорошо. Сегодня, в условиях

сию, полное медицинское обследование и если выдерживал обороты стула-вертолета, мог идти работать – значит здоров. Хотя один встал и упал, но для работы все равно сгодился. Жили и спали в палатках, у нас было 8 человек в г.Чернобыле. До I грузового порта возили на автобусе. От реактора до порта было 19 км 500 м, за смену делали по 8 рейсов. Работали в 2 смены, днем и ночью. Если не было напарника, то приходилось делать 11-12 рейсов при плане 8 рейсов. У них был приказ, если не выполняется план, доведенный правительством, мы будем наказаны, соответственно. Я держался вместе с другом Сашкой с Аркалыка, вместе и жили. Он за то, что в рабочее время загнал машину на поляну в сосновом лесу и уснул, был найден и предупрежден, если еще такое повторится, то им займется четвертый отдел.

В течение 4 месяцев пребывания на сборах я знал один маршрут: реактор – I порт. Работали в х/б костюмах и в больничных кожаных тапочках. Каждому выдавали от радиации «лепесток», промоченный какой-то вонючей желтой жидкостью, через который было очень трудно дышать, совсем не возможно, и мы их старались не одевать в такую жару – просто болтались на шеи. И при открытом окне автомашины слева ездили постоянно. Сейчас у меня поражен мозг левого полушария и постоянно болит голова, особенно левая часть.

Нам ежедневно выдавали накопители-карандаши, а после смены мы их сдавали. На вопрос, сколько там накоплено – ответа не получали, учетчики боялись говорить правду. За это их могли посадить, кругом было военное положение.

Возил я бетон, щебень, песок на разгрузку на разрушенный 4-й энергоблок, для сооружения саркофага. Также возили в машинное отделение на третий-четвертый энергоблок, сгружали, а специальные люди грузили в мешки и забрасывали в пролом. В машинном отделении стояла вода, даже заливала кабину при движении и вода попадала в кабину, замачивала ноги.

Выезжали, потом вылазили из машины и бежали метров за 100 в здание, обшитое свинцом, где сидели в белых одеждах люди, они ставили штамп в путевке, то есть отмечали рейс и мы ехали дальше. Бегали отмечаться после каждого рейса, а там очень высо-

проверки дозиметров. Обращался в 1 отдел в автовокзале. Нам выложили гору дозиметров-карандашей. Проверяли каждый. Исправными оказались лишь процентов 10, остальные негодные. Но и это еще не все. Дозиметристы страшно боялись перейти за 25 БЭР. Такую дозу назвали максимально допустимой для военного времени. И она тут же исчезла из всех журналов учета, сколько бы ты не набрал. Вот и у меня «набралось» всего около 13 БЭР. И это за два месяца работы в местах с мощностью в десятки и сотни, а может и больше, Рентген в час! Кто же поверит в такие дозы?

Курлович Александр Тихонович

Родился 23 января 1948г. в деревне Бабичи, Речицкого района Гомельской области. Окончил 8 классов и три года школы рабочей молодежи. Работал шофером. Женился в 1970 году. На момент взрыва на Чернобыльской АЭС проживал в городе Аркалыке Тургайской области (Казахстан).

Было мне 38 лет, имел двоих детей, Анжелику и Кольку. В последних числах апреля 1986 года пришла повестка из военкомата назавтра явится к 6 утра, иметь при себе запас еды на два дня. Явились, нас забрали, сумки не проверяли, хотя каждый кроме еды захватил по паре пузырей. Забирали тех, кому под 40 лет и имеющих детей. Один молодой человек не явился, то грозили посадить, поехали, нашли, и отправили. Куда?

Посадили нас в пассажирский поезд, сказали, что едем на стройку сельского хозяйства. И так с 02.06.1986 г. по 23 сентября 1986 г. находился на сборах по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС в 30 км зоне. О цели нашего призыва мы узнали только по приезде в Чернобыль. Привезли нас в Желтые Воды, работали мы от управления строительства №605, от в/ч 55237 в автомобильном полку в роте «кразистов». В Желтых Водах, под Днепропетровском получили новые «Кразы» и своим ходом доехали до г. Чернобыля, так и ездили все 4 месяца без номеров.

По приезду в Желтые Воды проходили капитальную комис-

◆Чернобыль— наша память◆

кризиса, о возвращении льгот думать не приходится. Тут не на лекарства, на хлеб скоро хватать не будет.

Прошло 30 лет после того страшного события. Невозможно синхронно вспомнить все события тех времен. Вот еще несколько воспоминаний.

Наша школа стояла на расстоянии 1 километра от шоссе Хойники-Брагин. И уже в начале мая дорога была полностью заполнена автомобильным транспортом. Колонны шли днем и ночью. В небе постоянно пролетали военные вертолеты. Это напоминало кинохронику времен Великой Отечественной войны.
Отличается отношение к событиям разных людей. Когда моих детей осматривали врачи из Гродно, видно было, как они боятся дотрагиваться до них. Они сказали всю одежду выкинуть и купить новое. А где взять деньги? В сберкассе денег или не было или был запрет на их выдачу.

А вот другое отношение к событиям. Я вспомнил, что в Волковыске живет мой школьный друг Галезник Александр со своей женой Ольгой. Дозвонился, объяснил ситуацию. Говорят, приезжай. Встретили сердечно, искупали детей в ванной. (Вот детям была радость. В Остроглядах жилье было без удобств). Позже пошли в универмаг и купили новую одежду детям,т.к старая была сильно загрязненная радиацией. Одолжили мне необходимую сумму денег. Я это помню всегда благодарен им.

Клименко Нина

д. Тульговичи Хойницкого района Гомельской области

Как трудно нам вспоминать
Тот день расставания.
Разлуку и горе хранить у себя...
Никто не живет там,
Не играют гармоники,
Петух не поет,
Опустела земля.

Вряд ли кто-то и когда-нибудь сможет забыть тот зловещий день. В памяти людской он останется навсегда. Год 1986 26 апреля, как темное пятно, легло в душе у каждого человека, который столкнулся с этой трагедией. В тот год была теплая весна. Природа оживала. Я думаю, что это самая любимая пора года каждого человека. Шла обыкновенная спокойная жизнь. В нашей деревне, как всегда, люди готовились к посевной, ничего не предвещало беды. И вдруг, проснувшись утром, мы услышали страшный рев моторов. Все подумали, что началась война. В небе над деревней кружились вертолеты и летели в сторону Украины. Все мы смотрели в недоумении и ничего не понимали. Потом наша соседка объяснила нам, в чем причина. Она работала в Чернобыле на атомной станции и привезла к матери своих детей, желая хотя бы немного удалить их от страшной беды. Она нам рассказала, что накануне они отмечали День рождения ее мужа. Гости все разошлись поздно, на улице было очень тепло и окна они не закрывали. Вдруг ночью раздался огромной силы взрыв. Она рассказывала: «Мы с мужем подскочили и бросились к окну. Я спросила у него, может быть, это очередные выбросы. Он ответил, что это не выбросы и мы увидели, что облако в виде огромного столба, похожего на огненный гриб, поднялось в небо. Муж сказал, что это на станции и, видимо, произошла какая-то беда». Дальше соседка рассказывала, что утром ее муж поехал на работу. Там уже стояло оцепление милиции и его не пустили. Вернувшись, он сказал, чтобы я увозила детей подальше.

Вот тогда и узнали мы, какая черная беда нависла над нами.

на станции, чистый. Это не только у меня было, а у всех. А мы вроде жили в чистом месте. Так нам говорили. Все то, что мы получали прямо на станции и в чем добирались от Чернобыля до Тетерева, это часа два, чистое. Вот такие чудеса. А может опять обман?

Потом мне выдали пропуск КГБ, по которому я мог входить в любые помещения блока. Тогда приходилось и всякие другие работы выполнять. Но ни одному человеку, сколько бы он ни набрал радиации, не писали 25 БЭР или больше. За 25 БЭР ему должны были платить всю жизнь. Так могли записать в справке 24,99, но не больше. 25 – это была уже аварийная доза. На случай военных действий доза облучения - 50 бэр. А смертельной вроде считалось 100.

Так я работал с 9 июля до 11 сентября 1986 года, два месяца без всяких перерывов и отдыха. Очень плохо себя чувствовал. Кожа стала желто-коричневого цвета - ближе к коричневому, как загар, но темнее – по-моему это радиационный ожог. А обращаться к врачам было бесполезно: говоришь им, что сильно болит спина, в ответ - это радикулит, говоришь, что во рту металлический привкус - у тебя зубы металлические, говоришь, что плохое состояние, в ответ - это ты простыл. Какое «простыл», да у меня и никогда такой болезни не было. Никакого внимания, никакой помощи и лечения. Кое-как дотянул до конца.

Уже потом, дома я смотрел по интернету обо всем этом, был в больницах и институтах, встречался со многими специалистами, в том числе и с зарубежными. Их это просто шокировало. Они говорили: как ты еще живешь, ведь это же несколько смертельных доз. А у нас врачи даже говорить об этом не хотели. И никакого лечения. Лишь бы отмахнуться от меня. Я нужен был там, там из меня и моих товарищей выжали все. А теперь мы никому не нужны, нас просто выбросили, как ненужные, отработанные вещи. Когда я сам просил направить меня в Чернобыль, мне хотелось помочь людям избавиться от большой беды, навалившейся на них. А теперь о нас и вспоминать никто не желает. Где же совесть у тех, кто пересидел «Чернобыль» в тишине и домашнем покое, а теперь издеваются над нами?

Иногда нам называли дозы, набранные за сутки. Это были просто смешные величины - порядка 0,1 БЭР. Я даже потребовал

Потом нас быстро перевели на ту сторону, где машзал и подстанции, там немного чище. Сколько мы набирали радиации, мы не знали, от нас это скрывали. Но наверное много: нас даже с работы стали снимать, отправляли в Чернобыль или даже сразу в наш лагерь. Боялись, что мы совсем не сможем работать. А тут и действительно спина стала болеть, во рту какой-то металлический привкус, желудок стал крепко подводить (а это уже похоже на лучевую болезнь - автор). Стало совсем плохо: нужно срочно бежать, а тут понос! Часто из лагеря срочно вызывали: постоянно рвали кабели, ударят лопатой и короткое замыкание или наедут самосвалами с бетоном.

Со стороны пролома в реакторе мы работали дней двадцать, пока нас не перевели на другую сторону реактора. Но и там облучения хватало. При мне уже начали ставить башенные краны, но туда я не подходил: и времени не хватало, и сил. (Это были краны «Демаг», с помощью которых потом строили саркофаг - автор). Да, и дозу могли набрать еще больше, а нам и без этого уже хватало.

Много было и всяких других работ, вроде всякой малой механизации. А все подключения опять за нами. Потом нас поместили куда-то под землю, там был огромный металлический куб, он даже был установлен на пружинах. Там временами и отсиживался, чтобы далеко не уходить.

Хочу сказать интересную вещь. Вот там, при очень высокой радиации совсем не чувствовалось время. Идешь куда-то, где больше пяти минут находиться нельзя, кажется, что сделал все за две-три минуты, а оказывается, прошло 15-20 минут или полчаса.

И еще. В тех местах, где очень высокая радиация, чувствуешь, что ты вроде ходишь босиком по раскаленной сковородке, а самому очень тепло даже в холодную погоду, кажется, что ты находишься под каким-то теплым колпаком. Першило в горле! Средства защиты дыхательных путей - только «респиратор» типа "лепесток". Так было и около биологической стенки. Когда отходишь подальше от этих мест, такие ощущения пропадают.

Приехал я как-то после работы в лагерь, смотрю, мои вещи лежат на улице, на скамейке. Говорят, что были дозиметристы и оказалось, мои вещи сильно светят. А комбинезон, который я получил

Все были в полном недоумении и не могли придумать, что делать. В два часа ночи мужчин, которые работали в колхозе водителями, подняли по тревоге на эвакуацию населения и скота в близлежащее деревни. На следующей день к нам в деревню начали везти людей и скот. Нельзя передать словами ту боль и плач беженцев. Они бросили все и приехали даже без багажа. Как трудно и больно бросить все, что веками нажито...

Но и моим односельчанам пришлось оставить свои обжитые места. Горе не пощадило и мою деревню...

Но облако смерти вырвалось в небо,
И атомной пылью покрылась земля.
Тогда наклонили все люди головы,
Простилась с тобой деревенька моя.

В тот день, когда произошла авария на станции, поднялся ветер и начался дождь. И все это радиоактивными осадками пришло в нашу деревню. Детей вывозили сразу. Солдаты поднимали верхний слой земли и на машинах вывозили куда-то. Дома, изгороди — все мыли водой с порошком. Но все усилия были напрасны. Как мы ни боролись, но ничего спасти не смогли. Сколько оставлено деревень, сколько потрепано человеческих душ...

Прошло немало времени, но и по сей день в душе у людей не затянулась та боль и та рана, которую невозможно заглушить ничем. Все, как сегодня, стоит перед глазами. Каждый год люди на Радуницу едут со своих уголков, чтобы одним глазком взглянуть на родные места, пройтись по своей земле и повидаться со своими односельчанами.

И льют нам березы
Горькие слезы,
Что стоят на опушке
Деревни родной.
Так знайте, березы,
Мы тоже льем слезы,
Тоскуя по вас и деревни своей.

В моей деревне было много маленьких детей. Почти в каждом дворе был свой скот и птица. Но свое молоко нельзя было употреблять в пищу — запретили. Уровень радиации был очень

большой. А потом и вообще забрали скот у населения, потому что у крупного рогатого скота увеличилась до больших размеров щитовидная железа.

Не хочу дальше вспоминать, потому что очень больно...

Кононок Александр Николаевич.

д. Остроглялы

глава 1

Я, Кононок А.Н., на момент аварии ЧАЭС проживал в д. Остроглялы, работал в совхозе «Остроглялы» инженером по ТБ. Об аварии узнал уже утром 26 апреля 1986 года. Но, что конкретно случилось, ходили только слухи, летали вертолеты и со стороны г. Хойники на Брагин шла техника, день и ночь на трассе стоял гул. Я в тот день сажал картошку у себя и тещи, стояла жара +30, а я в одних брюках за плугом 50 соток обходил. После посадки картошки люди пошли за стол «замочить» это дело, а я пошел в баню, благо была суббота. При выходе со двора подъехал гл. инженер Виниченко В.Л. и спросил: «Ты слышал про ЧС?». Я ответил: «Да, но что конкретно, не знаю». Он прояснил ситуацию, что на ЧАЭС произошел взрыв. И с сего дня начинаются дежурства по совхозу. И на первое дежурство попал я и инженер-электрик Бойдак А.И. Я сходил в баню и на дежурство, которое было в конторе, в кабинете директора Злотника В.Е. Около 21:00 директор приехал в контору и привез дозиметрической прибор, который стоял на вооружении вооруженных сил СССР. Почитали инструкцию пользования, прибор был новехонький в упаковке. Кое-как с горем пополам прямо во дворе конторы сделали первые замеры радиации земли и фона, которые разительно отличались. Земля была свыше 7 милирентген, фон около 17 милирентген. Через каждые два часа мы отзванивались в райцентр Бра-

Куликовский Виктор Леонидович

1955 года рождения. Был в командировке в Киеве. Узнал, что произошло на чернобыльской атомной. Обратился с просьбой направить в Чернобыль.

Меня приняли и после медицинского обследования и подробного инструктажа разместили в детском санатории (кажется «Солнышко») недалеко от ж.д. станции Тетерев - под Киевом. Оттуда нас возили автобусом в Чернобыль, а затем бронированным автобусом (обшитым внутри свинцом - автор) прямо к четвертому блоку станции. Работали мы на сооружении бетонной стенки между четвертым и третьим блоками (биологическая защита от взорванного реактора - автор). В мои обязанности входило обеспечение этих работ электроэнергией и освещением. Работы велись и днем и ночью. Очень спешили, так как уже начинались работы по строительству саркофага на четвертом реакторе.

Занимались прокладкой кабелей, которые из-за других работ часто обрывали, устанавливали светильники. Все время работали рядом с взорванным реактором. Потом нас разместили чуть дальше со стороны трансформатора. Говорили, что мы уже много радиации набрали. Там мы и прятались в промежутках между выходами к той биологической стенке. Нам все время говорили, что делать все нужно было очень быстро, минут пять туда и обратно. Но это никак не получалось, приходилось лазить по разным лестницам и переходам прямо под крышу. И на каждый такой выход уходило по 20 - 30 минут, все делали бегом, но меньше не получалось.

К нам по железнодорожным путям подгоняли железнодорожные платформы, на которых стояли готовые сетки из арматуры. Их там заливали бетоном и потом заталкивали внутрь.

Мы работали вчетвером. И так получилось, что уже к 90-му году я остался один.

Сначала мы работали с той стороны, где был пролом взорванного реактора, (от автора - тогда еще не было каскадной стенки, в которую залили то, что было выброшено из реактора, и там очень прилично «светило»).

спасли меня. Заболевание было связано с работой на ЧАЭС. Мне дали 3-ю группу инвалидности. И тогда у меня начались проблемы - больной человек стал никому не нужен. Перевели меня на работу сторожем, а затем заправщиком водо-насосной станции. Заправлял машины, которые моют город.

В 1995 году я лечился в Аксаковщине. В больницу привезли гуманитарную помощь из Японии. Этим они нас очень хорошо поддержали, получали мы лекарства прямо в руки. Таким образом, японцы продлили нам жизнь. Тем, кто находился в то время в Аксаковщине, крупно повезло - так как мы живы еще до сих пор.

В 2007 году добили полностью участников ликвидации аварии на ЧАЭС, сняв полностью социальную защиту с инвалидов. Таким образом, нас перевели на общее заболевание, нарушив ст.47 Конституции РБ, где сказано, что граждане, выполнявшие свой гражданский долг по защите своего государства, имеют право на социальную защиту и льготы. Таким образом, была нарушена статья 47 Конституции РБ. В настоящее время больные участники ликвидации аварии на ЧАЭС никому не нужны. Они должны покупать лекарства за свои деньги. Чиновники говорят, что они нас туда не посылали и ничего нам не должны. У нас такое ощущение: либо депутаты не читают конституцию РБ, либо они просто делают отписки.

У многих инвалидов снимают группы или переводят с высшей на низшую. Хотя здоровье нас оставляет. Приходится судиться, суды иногда восстанавливают. В таких случаях ставят третью группу и уменьшают проценты. Так поступили со многими из нас. Уже прошло больше четверти века после страшнейшей аварии в Европе. О ликвидаторах вообще никто не вспоминает, хотя мы спасали миллионы людей ценой своего здоровья. А многие из нас ценой собственной жизни. У нас в Беларуси забыли об участниках ликвидации последствий аварии на ЧАЭС – и нет проблем, они уже никому не нужны.

Вот так живут участники работ на ЧАЭС. Тихонько помирают, и никто о них не вспоминает. Только плачут наши дети и родственники.

гин и докладывали радиационную обстановку. При передаче данных, первичных на момент первых замеров я спросил у человека на том конце провода о том, возможны ли такие данные. Услышал ответ: «Да!».

Глава 2
Последующие события

Дальнейшие события разворачивались, как обычно: работа, дом. 1 мая привезли таблетки и микстуру для детей. В ФАП была их так называемая раздача. Меня тогда поразило, как это было: таблетки без оболочки и дозировки лежали, как таракан, на кухонном столе, бери — не хочу. Для детей — микстура, зеленая жидкость различного разлива от 0.25 л до 0.5 л. При разговоре с заведующим ФАП Кузьменко Леонидом выяснилось, что таблетки должны принимать в первые три часа после аварии. Но наш совковый менталитет и забота правительства СССР о людях!!! Спохватились только на шестые сутки. На благо народа и его здоровье!

После майских праздников мы с женой Кононок С.В. решили, что она с сыном Женей должны уехать. И благо у Казаченко Николая, который приехал в эти дни в отпуск из советской армии, был билет из Минска до Брагина и обратно. Он и отдал этот обратный билет нам. В это время, а это было 3 мая, из Брагина невозможно было выехать, была паника. Меня на автомашине, в те дни я ездил на курсы радиометристов, которые проводились в Брагине райсовета в помещении столовой. А кто помнит, это было подвальное помещение. И вот, я сел на рейсовый автобус, перед посадкой был дикий ужас, вся привокзальная площадь была забита людьми, все хотели уехать, много было детей с родителями. При подъезде к Остроглядам я остановил автобус и вышел, а на мое место села жена и сын.

Глава 3

Трагикомедия

В то время мне было 25 лет. Жене 23 года, а сыну 3.5 года. На подъезде к городу-герою Минску были организованы дозиметрические пункты контроля, чтобы не заразить нашу героическую столицу. Утром следующего дня мне позвонила жена и сообщила, что она лежит с повышенной степенью радиации в больнице № 10, а сын — в детской больнице № 4 с диагнозом вегетососудистая дистония. Вот тогда я понял весь кошмар нашего положения...

Бордак Лидия Николаевна

До 1986 года проживала в д. Стреличево Хойницкого района Гомельской области

В этой деревне я родилась, закончила школу, вышла замуж, мечтала остаться здесь и прожить на этой земле всю свою жизнь. Но этой мечте не суждено было сбыться.

В марте месяце 1986 г. в нашей семье родилась дочушка Марта. Мы были счастливы, но ровно через два месяца в наш дом, в наш край пришла большая беда. Чернобыль...

Мы узнали об этой беде в воскресенье, к нам приехал брат мужа, он отслужил в армии и возвращался домой. В Гомеле на вокзале он узнавал, чем доехать до Хойник. Кассир сказала ему, что сегодня все автобусы едут в ту сторону и будут вывозить людей. Брат приехал к нам на такси и сообщил эту новость.

По деревне поползли страшные слухи про пожар на станции, про радиацию. Но мы еще не осознавали, что к нам пришла большая беда. Односельчане готовились к Пасхе, убирали свои дома, наводили порядок во дворах, сеяли картошку. Я гуляла с дочерью во вдоре. К нам подошла наша врач и сказала, что от нас до Чернобыля далеко, можно смело гулять и дышать свежим воздухом. Потом по домам разнесли таблетки с йодом, сказали принимать от щитовидки. По деревне пошли слухи, что будут выселять нашу деревню. Когда же 1 мая всех пригласили на митинг на школьный стадион, мы не-

ли 4 человека и пили самогон. Нам они рассказали такую историю: пошли в лес варить самогон, а когда вернулись через трое суток, в деревне никого не было. Милиционеры, у которых мы расспросили, где же эти люди, рассказали нам, что они пошли якобы заготавливать дрова и там, в лесу заночевали (вот ведь какой секретной была самая простая информация!). Их отправили в город Брагин для дальнейшего разбирательства. Там наверняка знали, куда выселили деревню.

Мы проездили все в тех краях: Савичи, Пирки, Припять, Острогляды. Вся Припять была выселена, там жили только офицеры в гостинице. В Остроглядах находился полк гражданской обороны. Были в километре от реактора и везде замеряли уровень радиации.

В конце июля нас построил командир роты и пояснил, что через два дня мы уезжаем в другой район, то есть в командировку, сделаем там радиационные измерения и по домам. Мы сначала думали, что на неделю, но оказалось еще на два месяца - так мы попали после Рудакова в Ветковский район и Червенский. Вместе с нами в Могилевской области были прикомандированные ребята на АРС,ах. Это военные машины, которые подвозили воду. Они мыли крыши и стены школ, больниц, правлений колхозов. Мы измеряли радиацию и давали данные в Центр. Особенно было много в лесу, в болоте и в навозе. Жарища, температура доходила до 300С.
В октябре служба окончилась. Нам выдали благодарственные письма и грамоты, мы сдали технику и уехали домой. В 1987 году получил квартиру из подменного фонда. Работал на погрузчике.

В 1991 году вышел закон СССР, в статьях 13-14 говорилось о льготах граждан, принимавших участие в ликвидации последствий аварии на ЧАЭС. В статьях 13-18 говорилось о положении этих граждан, получивших инвалидность, о льготах и компенсациях за потерю здоровья. Но после развала СССР еще в 1995 году было приостановлено действие всех основных статей закона. Так произошла первая попытка лишить социальной защиты участников работ на ЧАЭС. А в 1997 году закон РБ был изменен так, что из него убрали все льготы участникам ликвидации.

В 1993 году я заболел и проболел где-то три месяца, врачи

извели вскрытие и написали, что он умер от какой-то болезни. А на самом деле ему было 25 лет, и он служил на атомной подводной лодке три года. Коля хватанул там радиации, а затем в ЧАЭС, и ему хватило. На завтра мы начали говорить своему начальству о том, что нас плохо кормят и заставляют работать по 16-17 часов. Затем прилетел вертолет, опустился на определенный уровень и завис в воздухе. Генерал-полковник остался в вертолете, а к нам спустился лейтенант и объяснил, что он из КГБ СССР, что нас сейчас будут лучше кормить и о том, что будем работать не по 6, а по 10 часов в день. Я остался один с водителем, нам давали не 15-20 деревень, а 10 или 8, пока не найдут химика. Пришлось без помощника измерять радиацию и давать данные. Одному было очень тяжело прыгать из БРДМ,а и делать измерения. Во многих деревнях, где жили люди, даже нельзя им было говорить правду, потому что мы в то время давали подписку о неразглашении информации.

Расскажу один случай. Ко мне пришел химик, звали его Миша. С первого дня службы в нашем подразделении у него шла кровь из носа. Когда мы с ним приехали в одну деревню и стали измерять радиацию, он почувствовал себя очень плохо, но день отработал и назавтра пошел к врачу. В то время никто не знал, как лечить и что делать при облучении человека радиацией. Врач дал таблетки, и мы уехали продолжать делать измерения. Через две недели случилась беда. В одной из деревень Миша пошел в сарай делать измерения и у него пошла кровь из носа и рта. Хорошо, что там находился врач, который вызвал машину скорой помощи и парня повезли в г. Брагин. Но через неделю я узнал, что он умер. После этих случаев, перестали брать для работы на ЧАЭС молодых мужчин до 25 лет, и был издан Указ о том, что возраст служащих должен быть от 30 до 40-ка и старше лет. Так ко мне попал Саша из Старых дорог. Мы с ним дослужили до конца сборов.

Однажды мы поехали в выселенную деревню. Когда мы подъезжали к деревне, сначала нас остановил пост солдат, а у самой деревни пост милиции. Они проверяли нас полностью как при въезде, так и при выезде. Мы проехали до половины деревни, я вылез из машины, чтобы измерить радиацию и услышал, как поют песни в соседнем доме. Позвал Сашу и мы пошли проверить дом. Там сиде-

много успокоились. Местная власть объяснила всем нам, что ничего опасного нет для здоровья, но если кто-то хочет уехать, то лучше уехать, не надолго. Я уехала с дочерью г.п. Тереховка 4 мая. Здесь жила двоюродная сестра моего мужа. Мы жили с дочерью у родственницы до 1 августа, затем к нам приехал мой муж. Я очень надеялась и ждала возвращения домой. Но муж сообщил, что из Стреличева все уезжают и обратно мы поедем нескоро. Я еще не знала, что домой уже никогда не вернусь! Мои родители тоже уехали в Светлогорский район. Родители мужа переехали в Тереховку в 1990 г. После аварии на новом месте жительства у нас родились еще двое деток. Мой муж принимал участие в ликвидации аварии, вывозил скот из д. Чамков, которая находилась совсем рядом с Чернобылем.

Дети оздоравливались в санаториях на территории нашей страны. Старшая дочь Марта отдыхала с группой детей в Италии.

Шли годы, дети выросли, а я все ждала — вдруг мы с мужем вернемся. Но однажды наша дочь нам сказала: «Мама, полюби эту землю, этих людей, ведь это теперь наша родина, мы здесь родились и выросли». И я перестала мечтать. Но иногда моя душа так болит в горле ком, от того что так не должно быть, ведь это несправедливо. Когда твоя маленькая Родина совсем рядом, всего каких-то 200 км нас разделяют, но там живут уже другие люди, они смеются, влюбляются, растят деток, которые ходят в нашу родную школу. Они привыкли, им легче, потому что приехали они по собственному желанию. А нас там больше никто не ждет.

Раз в год на Радуницу мы приезжаем с мужем навестить родных, которые похоронены на местном кладбище, едем по дороге, которая раньше была улицей Советской. Дома все захоронены, но я никогда не забуду то место, где стоял наш дом. Ведь это самый дорогой сердцу уголок. Воспоминания о доме я буду беречь всю свою жизнь.

Моя деревня утопала в зелени, весной — в яблоневом цвету и кустах сирени. Так как в деревне был винзавод, то ее окружали фруктовые сады, которые плодоносят и по сей день. Деревня Стреличево славилась своими тружениками. В ней жили самые добрые, щедрые, трудолюбивые люди. Я до сих пор помню своих соседей, которые разъехались по всей нашей Беларуси. Когда я посещаю род-

ную деревню во время праздника Радуницы, то встречаю своих односельчан. Сколько радости, слез, объятий при встрече и, кажется, как и не было переселения, и мы живем как прежде дома. Но, въезжая в деревню, каждый останавливается на том месте, где стоял его дом, где сделаны первые шаги. Вслушиваешься в мертвую тишину и ждешь, что позовет мама или отец... Но в ответ тишина.

Мы едем домой, чтобы вернуться через год в этот милый сердцу уголок, и храним в памяти дорогие образы родной земли. Но вместе с тем хочу поклониться в пояс земле, которая кормила моих деток. Это Тереховка Добрушского района... Время идет, стирая с нашей памяти имена и даты. Но память о моей маленькой родине не подлежит забвению.

Данченко Клавдия Николаевна

с/с Остроглядьı Брагинского района Гомельской области

Я, Данченко (Гавриленко в девичестве) Клавдия Николаевна, родилась в д.Пучин Брагинского района Гомельской области 19 октября 1947 года. Наша деревня насчитывала 300 дворов и находилась в красивом месте. Вокруг лес, болота, поля. Здесь проходила мое детство и юность. В 1966 году закончила 11 классов Савичеcкой средней школы. После школы работала и культработником и секретарем Слободского сельского совета, секретарем комсомольской организации совхоза Брагинский. В октябре 1972 года вступила в партию. А в 1975 году закончила Могилевскую советско-партийную школу при ЦК КПБ. После окончания окончания работала инструктором орготдела Брагинского райкома партии. В 1986 году моей деревни не стало, она находилась в 30-километровой зоне от ЧАЭС.

Прошло 30 лет и все заросло кустарником, мхом и травой. И туда больше нет дороги, нет той красоты. Только иногда все вижу во сне, и мне становится очень больно.

В 1977 году вышла замуж в д. Остроглядьı Брагинского района и была избрана секретарем Остроглядовского сельсовета. В этот сельский совет входил Совхоз «Остроглядьı» и колхоз «Чырвоная Ніва».

Лещик Евгений Иванович.

В 1975 году приехал в г. Минск. Работал слесарем, экскаваторщиком, трактористом.

В 1986 году, 17 июня, посреди ночи (в 3часа) приехали 2 милиционера и офицер из военкомата и мне, как и многим другим, дали повестку и пять минут на сборы. Внизу стоял автобус, который нас собрал по городу и привез в райвоенкомат Московского района, под конвоем водили даже в туалет. Нам никто ничего не объяснял. Когда привезли в лес в Старые дороги, переодели и посадили на БРДМы (Бронированная Разведывательно-Дозорная Машина).

Распределили по экипажам, меня назначили командиром отделения. Показали, как пользоваться дозиметром и объяснили только тогда, что мы едем на ЧАЭС исполнять свой долг солдата. По прибытию в Рудаково нас построили и зачитали приказ о том, что введено военное положение. Это означало, что за невыполнение приказа нас могут судить, как во время войны. Еще нам объяснили, что мы не должны говорить гражданским правду, то есть, не разглашать военную тайну. Каждый солдат за этот приказ расписывался. Затем мы начали разворачивать палатки. Стали жить в них. работали по 16-17 часов в сутки. В мои обязанности входило измерять радиацию в деревнях. Давали по сорок деревень. У меня был химик-разведчик, прослужил половину месяца, назовем его Колей. Потому что я не помню его фамилии и имени. Коля обратился в санчасть с жалобами на сильную головную боль. У него шла постоянно кровь из носа. Капитан санчасти отругал Колю и отправил его работать.

Подойдя ко мне, Коля объяснил, что очень плохо себя чувствует. Я оставил его в палатке, а сам поехал измерять радиацию. В тот день необходимо было объехать 30 деревень. Нам пришлось с водителем БРДМ,а мерить по очереди. После окончания работы приехали в палаточный городок. Поставили машину в парк, пришли в палатку и обнаружили, что там Коля мертвый лежит. Я пошел и доложил командиру роты, тот пришел в палатку и вызвал из Гомеля машину. Колю завезли туда, где находятся мертвые, там про-

ту, но от нее мало было толку. Также мы работали возле ферм в этой зоне.

После сборов у меня начались головные боли, усталость, сильные боли в спине, и я начал резко худеть, часто был на больничном. Работал я оператором станков и установок на Моторном заводе. Меня перевели на легкий труд.

В апреле 1990 года мы с друзьями объявили голодовку, которая была в клинике радиационной медицины в Аксаковщине (у меня есть статья як мы помирали), чтобы выбить льготы для ликвидаторов на ЧАЭС, потому что у нас не было статуса «чернобыльцев», лечить толком не хотели, а может и не знали как, потому что мы стали часто болеть. После голодовки нам предоставили некоторые льготы.

С июля 1990 года у меня инвалидность II группы – связь заболевания с работой на Чернобыльской АЭС. С каждым годом у меня появлялись разные заболевания, ухудшалось здоровье.

С октября 1994 г. уволился с завода по состоянию здоровья. Потом пробовал работать сторожем, но ничего не выходило, а с декабря 2001 года не работаю. У меня II группа инвалидности, получаю пенсию. Женат, есть сын, он учится в радиотехническом колледже. Квартиру получил по льготам в 1991 году. Отношение врачей по месту жительства очень хорошее, внимательно относятся, приглашают на медосмотр. Я стараюсь больше двигаться и стараюсь не смотреть на инвалидность.

И так вот уже с 36 лет – Чернобыль превратил молодого и здорового парня в инвалида с огромным букетом болезней!

◆Чернобыль— наша память◆

На его территории проживало 5,5 тысяч населения. Этот был самый большой сельсовет в районе.

В центре совхоза началось строительство. Построили новую 3-х этажную школу, контору, сельсовет, жилье. В 1982 году в июле месяце и моя семья получила новую 3-х комнатную квартиру. У нас было двое детей (Ирина 1978 г.р. и Сергей 1979 г.р.). А в августе 1982 года родилась дочь Наталья. Забрала больную мать из д. Пучин и жили весело и счастливо. Получила участок земли (25 соток), завели хозяйство: 2 коровы, 2 свиньи, куры, утки. Излишки молока сдавали государству, в то время ездили молокосборщики по деревням. И так продолжалась красивая жизнь до 1986 года. А в феврале месяце этого года я увидела сон. Вся деревня была в черных тучах, ничего не было видно, когда я шла в сельсовет на работу. И вдруг на небе появилась большая звезда и стала немного видно. И тогда я ужаснулась. У меня была большая черная коса до пят. Этому я не придала значения. Если бы я тогда знала, как это скажется на моей дальнейшей судьбе...

А вот 26 апреля 1986 года я хорошо запомнила. Когда после работы я пошла работать на грядки, я почувствовала тяжелый и неприятный запах в воздухе. Тогда мне никто не поверил, когда я рассказала про все это. Я попала именно в ту полосу, которая ветром неслась с Чернобыля. Но никто тогда не знал, что шла беда. Люди работали, дети готовились к 1 мая (школа, детсад) на демонстрацию.

А 29 апреля срочно вызвали секретаря парткома совхоза «Острогляды» Данченко Николая Афанасьевича на совещание в Брагинский райком партии. А когда он приехал назад, дал команду собрать всех членов исполкома. Собрали всех, но не знали, о чем будет речь. Он немного помолчал и сказал: «Взорвалась Чернобыльская АЭС». В ту минуту, как будто бы оборвалось все внутри, и только тогда я поняла, к чему мне снился такой сон. Пришла большая беда. Только никто не знал, как с ней бороться.

Было организовано круглосуточное дежурство в сельсовете. По ночам составляли списки детей дошкольного и школьного возраста. Среди населения проводили беседы. Была большая паника, было много слез и горя. Надо было все успеть. Приехало много военных. Они пеной обрызгивали дома и строения, а врачи осматри-

вали населения и давали таблетки. Привозили продукты питания. Запретили пить молоко и есть яйца. Все это выливали и выбрасывали под сарай. Позже стали сдавать скот из хозяйств и от населения на базу в г. Хойники.

5 мая 1986 года начали вывозить детей и беременных. К сельсовету из Гомеля приезжали большие автобусы и вывозили детей в пионерские лагеря. Матери бросали работу и ехали с детьми, если они были маленькие. С учениками школ ехали учителя. В деревне было, как война. Все плакали и не знали, что делать. Деревни стали пустыми без крика детей.

На время эвакуации своих детей с матерью я отправила в Гомель к сестре, потому что была занята государственной работой. Всех детей и беременных развезли по лагерям Гомельской области. И только 16 мая вместе с матерью завезла детей в пионерский лагерь Орленок. Там выделялись деньги для на детей на одежду и питание. Детей находились в лагерях до 26 мая. А 26 мая вечером детей везли уже на Минск в лагеря и санатории-профилактории. Весь состав поезда были дети и сопровождающие. В каждом учреждении проверяли детей. Врачи мыли руки спиртом, когда их слушали. Верхнюю одежду снимали и бросали в пережарку. Среди детей был переполох. И теперь не пойму, как все это пережили дети. Ведь не все дети были с родителями. У детей были нервные срывы. Дети были распределены и в Минске, и в Минской области. Кормили по талонам, если талон не использован был, отдавали деньги. Родители ходили на базар покупать фрукты, овощи. Среди обслуживающего персонала были и недобросовестные люди. Много брали себе, говорили прямо в глаза: «Вам осталось мало жить». И если на улицах Минска услышать про Чернобыль, минчане шарахались (грубо сказано) от нас. И нам быстро давали дорогу, чтобы мы не прислонились к ним.

Государством выделялись деньги на одежду детям, так как из дому ничего не брали. Много было воровства и с этих денег. В БГУ г. Минска (санаторий-профилакторий), где находились мои дети, было массовое отравление. Все свежие продукты и т.д. забирали себе в корзинки, которые стояли в столовой, а детям выдавали, что придется. 7 детей спасли сами, мою дочь (ей было 4 года) пришлось отправить в Минскую детскую поликлинику на лечение. Результат

информационном поле, в т. ч. благодаря тому, что новый руководитель облисполкома не побоялся взобраться на самодельную трибуну. Под одобрительный гром площади была зачитана резолюции митинга. В ней, были требования о закрытии ЧАЭС. Было в резолюции и требование о признании Гомеля и области зоной национального и экологического бедствия, обеспечения загрязненных районов чистыми продуктами и медицинским контролем, был пункт и об оздоровлении детей. Было внесено в резолюцию и требование о создании парламентской комиссии по расследованию вины лиц, допустивших дезинформацию и обман населения. Одним из пунктов резолюции, предусматривалось организовать «марш- протест за выживание» из Гомеля на Москву…

Вербицкий Николай Евгеньевич

Родился 17 сентября 1965 года в Молодечненском р/н Минской обл. д. Горки. После 10 классов поступил в Минское техническое училище. С октября 1983 года по ноябрь 1985 года служил в Москве в пожарной охране, был пожарным. После службы в армии устроился работать токарем на Минский моторный завод.

Когда произошел взрыв на Чернобыльской атомной станции, меня через военкомат забрали на сборы (у меня до сих пор хранится повестка на 25 суток). Это произошло 6 июня 1986 года, я там находился по 26 октября 1986 г. Меня и еще 3 мужиков забрали прямо с проходной завода, вручили повестку и завезли в военкомат, а оттуда – в лагерь, который находился в Околице под Минском, через 3 дня нас перевезли в Брагинский р/н, воинская часть находилась в д. Рудаков. Там нам приходилось делать разные работы, производили дезактивацию, обмывали крыши домов.

Работали мы в 10 км и 30 км зоне. Каждый день нас туда отвозили, а вечером привозили в часть. Я там пробыл 5 месяцев. Также я загружал патоку в вертолеты, которую сбрасывали на дороги , на реактор, вывозили мусор, хлам, а также землю, которая зашкаливала в рентгенах, хоронить в могильниках. Нас одевали в химзащи-

Планировалось выступление председателя Гомельского облисполкома Н.Г. Войтенкова.

Несмотря на накрапывающий дождь, площадь быстро заполнялась и пополнялась идущими с работы гомельчанами, в т.ч. многочисленными кабинетчиками облисполкома, горисполкома и других руководящих структур областного центра, здания которых располагались по соседству.

Когда на площади появлялись колонны заводчан, то раздавалось громовое «УРА!» и гул приветствий друг друга. Это была незабываемая картина эмоционального народного единения, как чиновников, так и работяг, как интеллигенции, так и руководителей разных рангов, как депутатов, так и массы избирателей. Забылось противостояние, которое в обществе насаждал первый секретарь ЦК КПБ Николай Слюньков и его последователь Анатолий Малофеев. На площади, впервые за долгое после 1986 года время, витало ощущение единства: не было ни врагов, ни противников, ни экстремистов, ни чиновников, ни вождей, ни авторитетов. На площади 26 апреля 1990 года был единый народ, под единым небом. С одной на всех собравшихся БЕДОЙ - ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ. На площади не было противостояния и, видимо, в том числе, благодаря участию в митинге председателя Гомельского облисполкома Н.Г. Войтенкова. Площадь гудела одобрительным многоголосьем после выступления каждого оратора. Весьма умело выступил и недавно избранный председатель Гомельского облисполкома Николай Войтенков. Его слушали очень внимательно все, в том числе многочисленная рать из подчиненных структур и, видимо, почти весь состав руководящих кабинетов города…

Запомнились выступления народных депутатов СССР Виктора Корнеенко и Юрия Воронежцева, представителей потерпевших районов, которые поддержали требования забастовочного комитета.

Выступал на площади под звук дождя и я, чему посвятила пару строк в репортаже с места событий «Гомельская правда». Конечно, год-два назад подцензурные партии газеты если и сообщали о мероприятиях общественности, то, как правило, в негативном тоне. Но 26 апреля 1990 года была открыта новая страница на

неутешительный. От тяжелого отравления получила инвалидность детства 3 гр. и по настоящее время. Все больные дети были поставлены на учет в Минский радиологический центр. Санаторий «Оксаковщина» был отдан детям Чернобыля для дальнейшего лечения. За всем этим вели контроль Белсовпроф и санитарные службы. Дети находились в Минске до 7 сентября 1986 года. Большое спасибо иностранным студентам, которые оказывали любую помощь детям.

А деревни Острогляды, Богуши, Хатуча, п. Печи готовились к выселению в другие районы. Нам предоставили Добрушский район Гомельской области. Некоторые жители нашего сельсовета выехали к родственникам. Население деревни Богуши, Хатуча, п. Печи переселены в д. Носовичи, Иваки, Жгунь, Гордуны. Население деревни Острогляды — в деревни Жгунь, Перерост, Ленино, Уть, Круговец, Крупец.

Всем, кто переезжал в другой район, области, платили деньги за свои дома и на всех членов семьи. Не платили за государственные квартиры, хотя люди сами много делали для ремонта в квартирах. Массовое выселение людей началось с 7 сентября 1986 года, когда привезли всех детей на территорию сельсовета. С Добруша приходили машины к нам, чтобы развести население по спискам по деревням Добрушского района. Люди не хотели никуда выезжать. Были проблемы и очень большие. Были подключены к выселению людей Гомельский обком партии и облисполком.

Присылали очень мало машин, что составляло проблемы. Это было страшно. Крик, визг, слезы, никто не хотел покидать своих домов и свой родны кут, где выросли и прожили много лет. Больше проблем было с людьми преклонного возраста. Население длилось до 16 октября 1986 года.

Людей выселили, а специалисты хозяйств и руководители школ сельсовета конторы остались готовить документы в архив. Всем выдали пропуски в зону загрязнения. Так и жили все вместе, как одна большая семья. 7 сентября 1986 года я привезла детей с родителями и учительницей Шац Мальвиной Николаевной в д. Ленино Добрушского района, чтобы дети начали ходить в школу. А 8 сентября дети вышли на улицу и горько плакали, чтобы я их завезла в Остроглядскую школу к своим учителям. А остальных перевози-

ла в деревню. Встретили нас здесь недружелюбно. Не могу сказать про всех. Не ровен лес, не равные люди. Обзывали нас так: «Дурные Чернобыльцы». Никому не желаю пережить то, что пережили мы. В школе к детям относились плохо, все обижали их, снижали им оценки. Проблем хватило. Все думали, что мы скоро умрем. Люди пережили атомную войну, только не стреляли и не летели пули над головой.

В продуктах питания, когда переселили, помогло хозяйство. Тогда им руководил Ващенко Василий Иванович. А секретарем партийной организации хозяйства был Долгачев Леонид Петрович. Они на месте решали все проблемные вопросы.

По списку из 86 семей я перевезла около 70 семей, так как другие семьи выехали в другие районы республики. Вернулась обратно в д. Острогляды для оформления документов в архив из Остроглядовского сельсовета. И опять проблемы после оформления для меня. Я, как партийная, должна была остаться в другом хозяйстве «Чырвоная Нива» и возглавить партком, так как это хозяйство не выселяли. Несколько раз вызывали на бюро райкома партии, но спасло то, что с Минской детской больницы была справка, чтобы я не везла свою дочь Наталию (4 года) в Брагинский район. Это е было противопоказано. И 13 ноября 1986 года решением исполкома меня отпускают в Добрушский район к своей семье. Муж с семьей жил уже в д. Ленино. И 15 ноября я приезжаю в д. Ленина на постоянное место жительства.

Когда приехала, приехали представители с райкома партии г. Добруша и предложили мне работу председателя сельсовета в д. Ленино. После всего пережитого я отказалась. Отдохнула от всего и 12 января 1987 года я приняла колхозный детсад и назвала его «Вяселка». Было очень много детей (62 ребенка). Педагогом я еще не была. И я решила сделать сад самым красивым и уютным для детей. Потом курсы переподготовки в Гомеле, Минске, и я стала заведующей детсада колхоза им. Ленина. Проработала в саду 18 лет. Работать с детьми, с коллективом (20 человек) было интересно. Были подарки, грамоты областные, районные и коллективные, и личные. И теперь не жалею, что пошла работать к детям. Они помогли мне выживать на новом месте жительства. Я им благодарна.

милиция не проверяла сумок у идущих на стадион, не прощупывала их металлоискателями, кажется, их тогда и вовсе не было. Не устанавливали тогда и заграждений, барьеров. Шли на митинг радостные, с одухотворенными лицами жители разных возрастов. Много было молодежи. Заполнялись трибуны стадиона с веселым гамом, с добрым настроем, перебрасываясь шутками в адрес многочисленных групп милиции. Митинги только-только начали пробивать дорогу, общество только-только начало отходить от жесткого управления республикой первым секретарем ЦК КПБ Н.Н.Слюньковым, с его поиском врагов и погромами, так называемых, националистов, т. е. всех тех, кто протестовал против радиационного обмана. Ведь интернета тогда не было, как не было независимых газет и телевизионных каналов. И узнать новости о ситуации в пострадавших районах из уст авторитетных тогда народных депутатов СССР стремились многие. Во время организованного общественностью Мозыря митинга, все вели себя корректно - и милиция, и население. И так будет в Гомельской области, видимо, еще лет пять-семь. Корректности, пожалуй, не хватало лишь тем, кто прорывался к микрофону, пытаясь сказать обо всем и все подряд - наболевшее.

Общегородской митинг в Гомеле 26 апреля был,пожалуй самым многочисленным за все время существования города. Центральная площадь Гомеля была радиофицирована, но вместо помпезной трибуны, с памятником В.И. Ленину, было использовано возвышение под козырьком облдрамтеатра, что стоял напротив памятника вождю международного пролетариата на противоположной стороне площади. Под козырьком театра было удобно организаторам митинга, так как стал накрапывать дождь.

Нам сообщили, что из «гомсельмашевского» района выступила колонна рабочих (около десяти тысяч человек). А из другого конца, также за 6-8 километровот центра, выступила другая колонна работников, но Радиозавода. Третья колонна, по соседству с площадью, заканчивала формироваться. К заводчанам станкостроительного им. Кирова объединения подходили строители и представители других организаций. В списках выступающих были записаны Народные депутаты СССР Виктор Корнеенко и Юрий Воронежцев.

с национальными флагами – недоумевали странностям поведения обладателя микрофона. К «экстремистам», что готовились подойти к выступающим, устремились местные стражи порядка - два или три человека, с суровыми лицами вглядываясь в приехавших таких- сяких националистов. Площадь замерла, и присутствующие обернулись в нашу сторону, а усилители разносили тем временем доносящуюся в адрес приезжих из динамиков хулу. В дальнейшем все происходило как в немом кино.

Подбежавшему милиционеру Виктор Корнеенко развернул мандат народного депутата СССР. Милиционер опешил, вытянулся и отдал честь. Стражам порядка стали показывать депутатские мандаты и другие «экстремисты». В то же время, в микрофон озвучивались не вежливые тирады некого «приватизатора» эфира. Он не успел сориентироваться, и талдычил нечто из нагромождения пустозвонства, что стоящие на площади ближе к нам люди стали смеяться, слушая несуразицы.... Стражи порядка, чтобы замять неловкость от первоначальной было резвости, попросили народных депутатов СССР выступить. Просьбу населения и милиционеров уважили. Фактически присутствующие получили, видимо, гораздо больший объем правдивой информации о последствиях катастрофы за какой-то час времени общения с нами, чем им выдавалось местной властью за многие годы жизни в обнимку с радиационной Бедой. Выступали в Наровле не только народные депутаты Верховного Совета СССР, но и депутаты областного и городского уровня. Выступить пришлось и мне. Призвал активистов присоединиться к протестным акциям трудовых коллективов Гомеля, что готовятся в виде предполагаемого марша-протеста на Москву.

В Мозыре. уже на подъезде к стадиону, где собиралось население на митинг, мы удивлялись большому количеству снующей взад вперед милиции. В те времена на митингах или общегородских мероприятиях сотрудников милиции, к примеру, в Гомеле было мизер, видимо, столько, сколько их можно увидеть, в обыденной жизни патрулирующих вечером на улице, через двадцать лет- 4-5 человек.

Возросшее количество стражей порядка в Мозыре за счет приехавших милиционеров из Гомеля, объяснялось тем, что ждали приезда на митинг некого партийного руководителя из Минска. Но

А как только началась весна 1987 года, я с семьей начала наводить порядок около нового дома, который построило нам государство. И первое, что я сделала на огороде — это разбило клумбы для цветов, которые радовали бы меня и окружающих. И подошла местная жительница и сказала: «Вот дурные Чернобыльцы. Не лук садят, а цветы». Я заплакала от боли и переживаний и сказала: «Посмотрим, что будет летом». Прошло время, зацвели цветы и все ходили на экскурсию моей красотой любоваться. А я всем улыбалась.

Чернобыль принес моей семье много горя. Но возврата нет и не будет. В 1993 году умерла здесь моя мать. В 1998 году сын перенес тяжелый нервный срыв. В 2012 году умерла моя старшая дочь от сердечного приступа. И все это следы от Чернобыля.

Люблю свою родину, где я родилась и росла, скучаю и помню все дорожки, где проходили мои ножки.

Пролетели на чужбине 30 лет,
И не заметила когда.
Сегодня здесь могилки есть.
Меня оставила судьба.

Прощай, любимая сторонка,
Мои леса, болота и поля.
Я никогда не буду рядом,
Но вспоминать я буду иногда.

Я здесь не слышу трели соловья,
Как когда-то на родине вечером.
Здесь не лес, а вокруг поля
И дует холодный ветер.

Байдак Александр Иванович

Я родился, жил и работал в деревне Остроглядах Брагинского района, Гомельской области, а ныне проживающий в Добрушском районе. В 1986 году я работал в совхозе «Остроглядах» инженером – электриком. На время возникновения аварии на ЧАЭС мы были молоды, энергичны, отслужили в вооружённых силах, строили свои планы. В ту ночь на 26 апреля 1986 года мы организовали и проводили дискотеку на природе в Остроглядах. Ночью где-то около двух часов мы услышали громкий раскат «грома». Я заметил, что мы не взяли зонтики и можем промокнуть. Дискотека продолжалась дальше. Через несколько минут опять услышали громкий раскат «грома». Впоследствии оказалось, что это были взрывы на Чернобыльской станции. Потом я обратил внимание, что со стороны Украины было какое-то зарево, сказал вслух, что очень хорошо мои коллеги осветили городские улицы на Украине. Мыслей, что случилась, авария на ЧАЭС вообще не было, даже в голову такое не приходило. Расходились мы домой уже под утро. Я чувствовал, что у меня першит в горле, подумал что простудился, попил горячего чая и лёг спать. Днём мать пошла в наш магазин и узнала от продавцов, что в Чернобыле взорвался ядерный реактор. Продавцы сказали, что рано утром они ехали в город энергетиков, а их вернули обратно. Вначале я не поверил, что случилась страшная авария, но чувство сильной тревоги появилось. Все люди начали очень нервничать, обсуждать это страшное событие. Встал вопрос, что будет с нами дальше. Вначале власти официально это событие не подтверждали. Но появление в небе большого количества военных вертолетов летящих в сторону Чернобыля говорили об обратном. Через несколько дней власти объявили об аварии и нам начали выдавать таблетки йодистого калия для приёма внутрь. Некоторые капали капли йода в воду или даже в водку и пили, так-как кто-то пустил слух, что водка помогает от радиации. Рекомендовали не пить молоко, и не употреблять продукцию со своего подворья. Чувство тревоги нарастало ещё больше , и я вспомнил слова моей покойной бабушки Юлии. Она давно говорила, что вы доживете до того времени что на землю выпадет какое-то вещество ядовитое

говорил выходец из научного сообщества, народный депутат СССР, Юрий Воронежцев. И их рассуждения не только услышали, но с их участием начал формироваться круг единомышленников, что объединились под флагом Гомельского клуба избирателей, к плодотворному функционированию которого приложили в дальнейшем руки активисты-депутаты разных уровней.

В то время нарастала волна протестов. Их организаторы имели депутатские мандаты и действовали вполне законно, встречаясь с избирателями в трудовых коллективах, а местные структуры КГБ смотрели, видимо, сквозь пальцы на подготовительную работу, с ярко выраженным радиационным акцентом.

26 апреля 1990 года было нарушено спокойствие и взбудоражена жизнь не только в полумиллионном Гомеле. Мероприятия, посвященные черной дате, разрабатывались лидерами общественных и депутатских структур для реализации и политического резонанса не только в масштабе города, но и Гомельской области. Организовывалось проведение митингов не только в Гомеле и на предприятиях, но и в райцентрах, крупных городах. Для оказания помощи местным активистам, в отдаленные районы утром 26 апреля выехал солидный десант из Гомеля. В числе участников десанта были депутаты Гомельского горсовета Андрей Толчин, Олег Громыко, Иван Воробьев и другие.

…Подъезжаем утром на площадь Наровлянского райцентра, а там уже без нашей помощи организовали митинг. По тому, что пришлось услышать из приватизированного кем - то из местного руководства микрофона, стало понятно, что активистов Наровли основательно придавили властные партийные кадры. Радиофицированная площадь вскоре огласилась суровыми тирадами в наш адрес. Дескать, приехали националисты и всякого рода экстремисты, которые пытаются нарушить стабильность в пострадавших районах. Видимо, местным органам дали команду из Гомельского обкома КПБ основательно подготовиться к возможным несанкционированным акциям приезжих. Они по давно отработанным схемам и шаблонам стали дискредитировать подъехавших «чужаков» в глазах собравшегося на митинг населения, даже не зная, кто приехал. А мы, выйдя из автобуса с чернобыльской атрибутикой и

Время правды.

Из воспоминаний Анатолия Гурачевского, депута Гомельского горсовета в 1990-1995 годах, участника ликвидации аварии на ЧАЭС

Конец 80-х... Почти три года после 26 апреля 1986 года сведения о радиационной обстановке не только были под грифом засекреченности, но армия пропагандистов КПСС утверждала, что обстановка нормализуется, а малые дозы советской радиации не только безвредны, но и полезны. Они, дескать, заменяют благотворное влияние радоновых ванн Мацесты, где, как известно, набирались сил под воздействие растворенного в воде радиоактивного радона, системно отдыхающие в Сочи советские вожди. Не случайно, что «промывание мозгов» отлаженной государственной машиной агитации и пропаганды сделали свое дурное дело. К существующей невидимой радиации «притерлись», как и приспособились к жизни под знаком радиационной Беды, не задумываясь и не зная ее коварства.

Под аккомпанемент заверений о нормализации обстановки и безопасности малых доз советской радиации, уже в 1987 году в Гомельской области началось обратное заселение (реэвакуация) богатых деревень Соболи, Гдень, полным ходом готовились к заселению Острогляды, Савичи, Бабчин, т. е. населенные пункты, которые фактически были накрыты плутониевым «следом». Идущее сверху, не иначе, как негласное добро военным и научным ведомствам на проведение экспериментов на живом подопытном материале в естественных условиях атомного загрязнения обширных территорий, нельзя было остановить усилиями одних ученых и интеллигенции Минска. Ученый люд БССР сам попал под партийный пресс жесточайшей проработки, а наиболее стойкие и вовсе были изгнаны из науки. Время героев-одиночек на чернобыльском поприще, фактически сместилось к действиям объединительных групп просвещенной части населения. Именно к использованию дремлющего потенциала трудовых коллективов призывал выходец из рабочей среды, народный депутат СССР, Виктор Корнеенко, именно об этом

и ничего с земли нельзя будет есть. Потом начали организовывать вывоз матерей с маленькими детьми, школьников с учителями вывозили в санатории.

В Остроглядах было три общежития, которые заселили людьми, выселенными вначале из ближайшей зоны от станции. Через пару недель их выселили куда-то дальше. Прислали военных со спецтехникой, которые начали мыть крыши домов специальным раствором из машин. Но видимо большого результата это не дало. Ходили слухи, что эта радиация ненадолго и скоро всё должно нормализоваться. Люди сеяли огороды.

Совхоз «Острогляды» продолжал существовать и работать. В один день нас (электротехническую службу) отправили в урочище «Горка», что на болоте поближе к Припяти, для выполнения работ. Там были летние фермы для коров. Было очень жарко, и мы захотели пить. Так - как местные канавы имели родники, бьющие из земли, то люди из них пили. Мы тоже попили этой воды, и я сразу почувствовал, что вода стала какой-то горькой. Видимо много выпало радиоактивного йода -131. И уже по прошествии нескольких лет, мне сказала одна знакомая, посещающая регулярно церковь, почитать в библии (откровение Святого Иоанна Богослова 8:11) где сказано: «Имя сей звезде полынь: и третья часть вод сделалась полынью, и многие из людей умерли от вод, потому что они стали горьки» . В некоторых местах полынь называли чернобыльником.

Потом начали принимать у населения рогатый скот, свиней. Дойных коров с совхоза начали куда-то вывозить. Нашей службе гражданской обороны в совхозе выдали дозиметр ДП-5 и мы ежедневно измеряли уровень радиации и записывали в журнал. Радиация была высокая, это объясняли тем, что в первое время выпадает много радиоактивного йода 131, который скоро распадётся. Летом радиация не уменьшилась, стали ходить слухи, что нас скоро выселят, хотя некоторые люди уже выехали сами.

Вскоре начали выселять людей из Остроглядя, женщины плакали, многие не хотели уезжать, говорили, что останутся здесь жить. Вещи не рекомендовали вывозить, но и не запрещали, подъезжали грузовики, грузились и уезжали с хозяевами на новое место жительства в основном в Добрушский район. Некоторых людей вы-

селили в деревню Дубовый Лог.

Не зная о том, что здесь тоже большая радиация, люди обживались и работали. Впоследствии их тоже выселили из этой деревни в другие места.

Нас, главных специалистов совхоза «Острогляды», несколько человек оставили ещё около двух месяцев жить и работать в совхозе. Желания оставаться в пустой радиоактивной деревне ещё два месяца у нас, конечно, не было, но нас убедили. Оформлены мы были как ликвидационная комиссия. Нам говорили, что всё должно нормализоваться и люди вернутся назад.

В деревнях наших были организованы несколько контрольно - пропускных пунктов, в которых постоянно дежурили командированные работники милиции, менявшиеся через десять дней. А так же был организован пеший и автомобильный патруль по выселенным деревням. И вот мы, несколько человек в опустевшей деревне, жили и работали ещё до 29 октября 1986 года. Моей задачей было поддержание электроснабжения оставшихся объектов и КПП. Я жил один на всей улице Крестьянской в своём доме. Другие жили тоже в своих домах на других улицах. Было очень жутко, особенно ночью. Несколько раз мне приходилось ходить одному ночью по тёмным улицам нашей покинутой деревни. Ощущения были очень неприятными. Электричество в наших домах ещё было, но на улицах тьма полная. Один раз в день мы ездили обедать в ресторан в Брагин. Утром и вечером я ел то, что сам готовил. И вот эти дни одинокого проживания казалось, тянулись очень долго.

Наконец 29 октября я тоже уже выехал на новое место жительства. В душе было странное ощущение чего – то потерянного, ощущения того, что уже никогда не вернёмся на сваю малую родину, боль за всё пережитое. Под впечатлением пережитого я написал стихотворение , которое напечатали потом в некоторых газетах.

Изгнание.

Нету дома моего теперь,
Я поверить в это не могу.
Не смогу открыть
я снова дверь

плакалі, калі іх адпраўлялі з двароў, каровы не выходзілі з хлявоў, слезы каціліся з вачэй, ях і ў людзей.

Колькі часу прайшло, аднак усе гэта не забываецца. На новым месцы выйшла замуж, нарадзіліся мае дачуркі, выраслі, нарадзіўся ўнук, але ж вельмі часта сніцца родная веска, каждая хата ўсплывае ў памяці, як быццам учора адтуль. Раней кожны год, а зараз радзей ужо, бо бацькі пахаваны тут, на Добрушчыне, усе роўна імкнецца душа на радныя мясціны, на Радуніцу едзем туды, на радзіму.

Спісак перасяленцаў з в. Печы Брагінскага р-на:

1. Паўлючэнка Іван Рыгоравіч
2. Паўлючэнка Таццяна Міхайлаўна
3. Кліменка Федар Сяргеевіч
4. Сакоўская Ніна Рыгораўна
5. Шумігай Павел Парфіравіч
6. Шумігай Марыя Сцяпанаўна
7. Лешчанка Ганна Міхайлаўна
8. Сакоўскі Аляксандр Пятровіч
9. Сакоўская Марыя Антонаўна
10. Сакоўскі Іван Рыгоравіч
11. Сакоўскі Ігар Іванавіч
12. Варава Дзіна Пятроўна
13. Андрыянчыкава Валянціна Іванаўна
14. Кошман Наталля Іванаўна
15. Маставая Таццяна Міхайлаўна
16. Чаранева Дзіна Рыгораўна
17. Кліменка Іван Федаравіч
18. Ярамчук Ніна Міхайлаўна
19. Ярамчук Пятро Міхайлавіч
20. Ярамчук Віталь Пятровіч
21. Дзеркачова Аксана Міхайлаўна

Чаранева Дзіна Рыгораўна

д. Печы, Брагінскі р-н

Я нарадзілася ў Брагінскім раене у маленькай весцы, якая мела цеплую назву Печы. Пайшла ў школу, вясной 1986 г. з сяброўкамі рыхтавалася да здачы экзаменаў пасля заканчэння 8 класа. Аднак лес распарадзіўся на свой лад.

27 красавіка тата паехаў у Брагін і адтуль прывез жудасную навіну аб тым, што ў Чарнобылі ўзарваўся рэактар. Тады яшчэ ніхто і падумаць не змог, як гэта адгукнецца на лесе кожнага із нас.

Праз некалькі дзен маці і тату, а таксама ўсіх бацькоў, у якіх былі дзеці школьнага ўзросту, апавясцілі аб тым, што патрэбна, у каго есць магчымасць, адправіць дзяцей куды-небудзь далей ад роднай хаты. Так я з маленькім пляменнікам і жонкай брата аказалася ў бабулі ў Пінску, што на Брэшчыне. Але там я была недоўга, праз два тыдні за мной прыехаў тата. Нас усей нашай школай адправілі ў Мінскую вобласць г.п. Халопенічы. Мясцовыя жыхары вельмі добра нас прынялі, дапамагалі ўсім, дзеці нашага ўзросту прыносілі нам садавіну, агародніну, цукеркі. Там мы прабылі амаль да лета, пакуль нас не забралі бацькі. Я паступіла ў Гомельскі педагагічны коледж ім. Выгоцкага, а бацькоў перасялілі ў Добрушскі р-н в. Лагуны.

Ніколі не забуду той час, як плакалі мае матуля і тата, яны нават рэчы ўсе трымалі ў каробках, да апошняга ў іх была надзея, што яны вярнуцца ў родную хаціну, якую пабудавалі самі. Мой тата был столяр, не было ні адной хаціны ў нашай весцы, дзе б ні было татавых пабудоў: у каго дзверы, у каго рама, у каго бочачка пад гуркі, шмат чаго рабіў мой тата. Быў вельмі паважаны чалавек. Яго віталі ўсе толькі — Ігнатавіч, або Рыгор Ігнатавіч.

Толькі праз некаторы час, калі нашу весачку знеслі, захаранілі, застаўся толькі помнік, мае бацькі супакоіліся, змірыліся з тым, што трэба жыць далей, параехалі ў Насовічы, там пабудавалі катэджы для перасяленцаў. Аднак не было ні воднага дня, каб мы не ўспаміналі нашы родныя мясціны: лес, з духмянымі суніцамі і чарніцамі, узгоркі з грыбамі, маленькія азерцы вакол вескі, усе тое, што там было міла сэрцу. Яны расказвалі нам, што нават жывелы

К своему родному очагу.
Там тропинка
когда-то была,
По которой
мы ходили до реки,
А теперь она бурьяном
поросла,
Лишь синеют кое-где
васильки.
Помню школу родную вдали,
Что стояла среди тополей.
И страданья в душе ожили:
Очень многим обязан я ей.
Всё растаяло
в зыбком тумане,
А вернуться домой
мы хотим,
Где когда-то
люляла нас мама,
Напевая протяжный
мотив.
Что случилось
в родимом краю,
Никогда не понять чужаку,
Где и радость, и горе своё
Нам пришлось
повидать на веку.
Не забуду теперь никогда
Все родимые
сердцу места,
Снитесь ночью
вы мне иногда
Острогляды,
наш дом, пустота…

Ежегодно на Радуницу мы посещаем в Остроглядах кладбище, так - как у нас там похоронены близкие родственники. Также часто со мной ездит в Остроглядь наш профессор, доктор технических наук Пинчук Вячеслав Григорьевич. Он тоже скучает по малой родине и с удовольствием посещает свой еще сохранившийся дом, встречается с земляками.

Теперь мы все проживаем в разных местах. Я часто с друзьями и одноклассниками созваниваюсь, интересуюсь как дела. Хотелось бы встретиться с одноклассниками в нашей родной школе, но это невозможно. И чтобы не забывать своих одноклассников я их ежегодно собираю на встречу. Смотрим фотографии, вспоминаем школьные годы, Остроглядь, детство…

Віктор Станіслаў Станіслававіч.

Нарадзіўся ў 1958 годзе ў Магілёўскай вобласці.

З 1982 года разам з жонкай Ірынай Іванаўнай жылі ў вёсцы Астрагляды Брагінскага раёна, працавалі настаўнікамі матэматыкі Астраглядаўскай сярэдняй школы. Гэта былі, нпэўна самыя цікавыя, самыя лепшыя гады нашай прцы. Мы былі маладыя, працавалі з захапленнем і энтузіазмам. Тым больш, што ў школе склаўся вельмі добры калектыў настаўнікаў на чале з дырэктарам Кошмарам Сяргеем Паўлавічам. Маладым настаўнікам, якіх было таксама нямала ў школе, ахвотна дапмагалі старэйшыя калегі. Гэта была дапамога і падтрымка добрым словам, карысным парадай, нават ветлівая ўсмешка падтрымлівала нас. І зараз, праз столькі год, я не магу не падзякаваць і сказаць шчыры дзякуй усім сваім калегам і сябрам з нашай Астраглядаўскай школы. Пералічваць усіх не буду, але памятаю і паважаю літаральна кожнага…

А якія цудоўныя ў нас былі вучні… Сярод іх было шмат пераможцаў раённых і абласных алімпіяд па розных прадметах, пераможцы і прызёры спартыўных спаборніцтваў (раённых, абласных і нават рэспубліканскіх). А як мы ганарыліся нашай зборнай па шахматах, якой кіраваў Варанец Адам Адамавіч – гэта былі пастаянныя

ИЩУ ДУШЕВНУЮ СТРУНУ,
ИГРАЮ ПЕСНЮ НА БАЯНЕ
ЧТО ЗЕМЛЮ МИЛУЮ ЛЮБЛЮ

Филиппенко Николай Алексеевич

д. Хатуга, совхоз Остроглядь

Я, Филиппенко Николай Алексеевич, житель д. Хатуга Брагинского р-на Гомельской обл. В день 26 апреля 1986 г. пас деревенское стадо коров. Утром в пять часов вышел из дома. Был очень сильный туман. В этом тумане даже плохо было разговаривать, невозможно крикнуть было, приходилось к каждому дому подходить и стучать по калитке, чтобы выгнали коров. Пастбище находилось от деревни Хатуга на расстоянии 2-3 км, когда мы гнали коров, стало всходить солнце, лучи которого кое-где пробивали сильный туман. Туман длился до 10 часов утра. Когда мы пасли коров, то наблюдали, как взлетали в небо огненные шары. Шары долетали до земли и рассыпались, как бенгальские свечи. В этот день сильно хотелось пить, поэтому мы из каналов оросительной системы брали воду и пили. Когда вечером пригнали коров в деревню, нам сказали, что произошел взрыв на ЧАС. Мое самочувствие стало ухудшаться. Я обратился в Брагинскую поликлинику, а потом направили в Минск на обследование из-за радиации. В Минске в городской поликлинике № 9 был установлен прибор на обследование по радиации. После обследования меня отправили в Минскую больницу на стационарное лечение. После лечения я возвратился в д. Вязок, куда меня эвакуировали с д. Хатуга. С д. Вязок нас эвакуировали в д. Корма Добрушского р-на и предоставили жилье, где вот уже 30 лет работаю на пункте технического обслуживания тракторов и комбайнов (КСУП «Оборона»). Ежегодно посещаю свою родину, д. Хатуга, совхоз Остроглядь.

Дома закопали, палисадники тоже
Лишь только остались деревья и сад.
Стоят и они, наклонивши головы,
Стоят молчаливо, на могилки глядят.
И ждут они встречи с хозяином долго-
Лишь только раз в год нас пускают сюда.
На кладбище люди встречаются, плачут
И вспоминают деревню свою.
Любили тебя мы, деревня родная,
Ты наше счастье, ты частичка души.
С тобою делили и радость и горе,
Счастливые годы мы там прожили,
Меня выселяли, с тобой разлучали,
Но я не забуду тебя никогда.

Василий Смусенок

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

НЕ ПЛАЧЬ ЗЕМЛЯ ПОД СИНИМ НЕБОМ
ЗДЕСЬ ЖИЛ И Я, ТАК ШЛИ ГОДА,
РАСТИЛА НАС, КОРМИЛА ХЛЕБОМ….
НО ВДРУГ ЧЕРНОБЫЛЯ БЕДА
ЛЮДЕЙ ПО ЖИЗНИ РАЗБРОСАЛА
ПО ДЕРЕВНЯМ,ПО ГОРОДАМ.
ЧТО РЯДОМ БЛИЗКИХ ВДРУГ НЕ СТАЛО
ОСТРЕЕ ЧУВСТВУЕШЬ К ГОДАМ.
ГОДА Ж БЕГУТ,МИНУЯ СРОКИ,
КАК ЖИТЬ БЕЗ ДРУЖЕСКОЙ РУКИ,
ВДРУГ СТАВ ПО ЖИЗНИ ОДИНОКИМ
БЕЗ ВАС ДРУЗЬЯ И ЗЕМЛЯКИ,
МНЕ ЧАСТО СНЯТСЯ ЗВЕЗДОПАДЫ
НАД ТИХИМ ДОМОМ.И ПОЛЯ…..
ДЕРЕВНЯ НАША ОСТРОГЛЯДЫ,
МОЯ РОДИМАЯ ЗЕМЛЯ.
БЫВАЕТ ЧАСТО,БЕЗ ОБМАНА,

чэмпіёны раёна, прызёры ў вобласці і рэспубліцы З многімі нашымі вучнямі мы і зараз падтрымліваем стасункі.

Адпачывалі мы таксама разам. Таму і зараз з задавальненнем успамінаем наш школны хор настаўнікаў, якім кіраваў Смусянок Васіль Васільевіч. Напэўнв і зараз жыхары адселеных вёсак нашага (Астраглядаўскага) наваколля могуць успомніць нашы самдзейныя спектаклі ў мясцовых клубах, а рыхтаваў гэтыя спектаклі вельмі адданы нашай мове і культуры настаўнік беларускай мовы і літаратуры Чапоўскі Уладзімір Мікалаевіч.

Мы жылі, працавалі, адпачывалі, будавалі планы на будучыню. Нашы дзеці раслі побач і таксама пераймалі ад нашых узаемаадносін шчырасць сяброўства, гатоўнасць заўсёды прыйсці на дапамогу.

Так мы і жылі да гэтага жудаснага красавіка 1986 года.

З 1 красавіка 1986 года мяне прызначылі дырэктарам Брагінскай васьмігадовай школы. Жыць мы засталіся ў Астраглядах, бо жонка працавала там, а кватэру толькі паабяцалі, але яшчэ не дабудавалі. Тмау вымушаны быў ездзіць на працу ў Брагін на рэйсавым аўтобусе.

І вось 26 красавіка. Спякотны дзень. Мы дамовіліся ў Брагіне пасадзіць бульбу ў цешчы. Прыехай аратай з канём, усе ў лёгкіх майках, босыя працуем на агародзе. Недзе напрыканцы дня прайшоў дождж… Наш сын, якому на той момант было 3 гады і 4 месяцы разам са сваім стрыечным братам (на год старэйшым) таксама бегалі па вуліцы, гойсалі па лужах… Ніхто нічога не ведаў… На наступны дзень ужо пайшлі чуткі, што на станцыі нешта здарылася. Наш знаёмы, загадчык аптэкі Маеўскі В.В., параіў менш знаходзіцца на вуліцы і прымаць ёд. Толькі дзе яго ўзяць, акрамя бутэлечак з ёдным растворам, ніхто не ведаў. Таму некаторыя проста капалі 10-15 кропель на хлеб і з’ядалі гэты хлеб. Але покуль на гэтыя папярэджванні амаль ніхто не звяртаў увагі. Ну а мы паехалі ў Астрагляды. У панядзелак (28 красавіка) раніцой сына ў садок, жонка ў сваю школу, я ў Брагін у сваю. На працы было ўсё амаль як звычайна, дзеці яшчэ бегалі па вуліцы, ніякіх строгіх рэкамендацый ні ад каго не было, толькі ўсе абмяркоўвалі розныя чуткі (хто ад каго што пачуў). А яшчэ частка нашых раённых кіраўнікоў адправіла сваіх дзяцей з

Брагіна хоць крыху далей. Праз які дзень прыйшлі рэкамендацыі: абмяжоўваць знаходжанне дзяцей на вуліцы, не астаўляць адчыненымі форткі.

Потым звычайныя працоўныя дні і падрыхтоўка да 1 траўня. Праўда на дэманстрацыю абавязалі пайсці толькі дарослых, дзеці толькі па ўласнаму жаданню і бацькоўскай згодзе. Тым не менш у парку, на школным стадыёне праводзілі раённыя спартыўныя спаборніцтвы. Вось там было шмат дзяцей з розных школ. І вось на гэтых спаборніцтвах частка дзяцей страчвала пытомнасць, мела насавое крывацячэнне. Усе тлумачылі гэта спякотай…

2 траўня, недзе каля19 гадзін да мяне прыбег сусед (у яго быў тэлефон) : тэлефанавалі з Брагіна, трэба тэрмінова на пасяджэнне райвыканкама. Да Брагіна каля 10 кіламетраў, рэйсавга аўтобуса ўжо няма. Заставлася толкі пешшу праз сад, поле (хто ж ведаў, што там стронцыя ў сотні разоў больш нормы) да асфальта і там лавіць папутку. Вось на гэтым пасяджэнні атрымалі больш-меньш нейкую інфармацыю. Нічога канкрэтнага, у агульных словах… Але галоўнае – зранку ўсіх дзяцей сабраць у школе, на вуліцу не выпускаць. Чакаць аўтобусы, якія адвязуць іх у піянерскія лагеры каля Гомеля. Як гэта зрабіць рэальна ніхто не ведае. Яшчэ ў Брагіне прасцей – шмат у каго хатнія тэлефоны. Але ж у нас шмат дзяцей з вёсак дзе тэлефонаў адзін-два на ўсю вёску і не ўсе працуюць. А былі ж і такія вёскі дзе тэлефонаў наогул не было. Давялося збіраць настаўнікаў, размяркоўваць хто за які ўчастак адказны… Потым нейкім чынам дабраўся да Астрагляд. Было ўжо вельмі позна, жонка недзе хадзіла па дамах, папярэджвала вучняў, сын быў разам з суседскімі дзецьмі… А мяне яшчэ папрасілі з’ездзіць на ровары ў суседнюю вёсачку (Круг-Рудка). Там таксама было некалькі вучняў.

Паколькі мы з жонкай павінны былі быць ў розных месцах, працавалі ж ўжо ў розных школах, то дамовіліся сабраць самае каштоўнае і завезці да цешчы. Да гэтага часу з усмешкай успамінаем што ж было самае каштоўнае: зразумела гэта былі дакументы; потым наш шлюбны альбом, фатаграфіі сына і выпускныя альбомы з інстытута, а яшчэ пуховая хустка (памятны падарунак). Змясцілася ўсё ў невялікі чамаданчык.

А потым мы (кожны ў свёй школе) разам з дзецьмі чакалі

нойчы на праверку злоўленых карасеў, якія таксама былі з павышанай радыяцыяй. Прыносілі на праверку ягад, гародніну. Часта яна была прыгоднай для ўжывання.

Над нашай мясцовасцю лятаў на малай вышыні спецыяльны самалет. Гаварылі, што ен вымярае ўзровень радыяцыйнага фону. Надведвалі нашу тэрыторыю і прадстаўнікі вышэйшай улады. Я быў сведкам наведвання г.п. Брагін Слюньковым М., які ў жніўні па дарозе ў Чарнобыльскую правяроў якасць забяспячэння брагінцаў прадуктамі харчавання. Брагінцы прасілі яго павялічыць колькасць дастаўкі каўбасных вырабаў не па 10, а па 3-4 рублі на 1 кг.

30 жніўня аб'явілі аб эвакуацыі Астраглядаў. Частку весткі, дзе жыла мая сям'я, вырашана было перасяліць у Добрушскі раен веску Пераrост. 5 верасня да нашага дому падагналі некалькі грузавікоў, мы, дапамаючы адзін другому, пагрузілі свой скарб і паехалі на новае месца жыхарства і працы, дзе чакала нас новае жыцце.

Ликвидатор Павлюченко Н.З

ДЕРЕВЕНЬКА МОЯ.
Деревня моя, где родилась и выросла,
Доила коров и растила хлеба.
Но облако смерти ворвалось в небо,
И атомной пылью покрылась земля.
Тогда наклонили все люди головы
Простились с тобой, деревенька моя.
Как трудно нам вспомнить тот день расставания.
Разлуку и горе хранить у себя.
Никто не поет там, не играют гармони,
Петух не поет, опустела земля
И улицы смолкли, как сестры родные,
Над ними деревья склонились в тени.
Не ходят машины, не играют детишки,
Дома опустели и нет ни души.
И льют там березы горькие слезы.
Тоскуя по вам в деревеньке чужой.

лісце на тэрыторыі лагернай зоны, грузіць на аўтамабіль. У вучняў пры наведванні дактароў правяралі ўзровень накаплення радыяцыі. Разам адным з вучняў у кабінеце знаходзіўся і я, адзеты ў «штармоўку». Яна фаніла трэскам у апараце.

Прабыў я ў лагеры дзен 10-12. Адпрасіла мяне дамоў жонка. Прыхварэў дома парасенак, трэба было вырашаць яго лес. У канцы мая вучняў з Чонак і Кленак накіравалі ў Мінскую абласць. Менчага ўзросту накіравалі ў піянерскі лагер «Энергетык», а старэйшых — у г.п. Халопенічы, пасяліўшы іх у будынку сярэдняй школы. Гэтыя вучні павінны былі па 3 гадзіны ў рабочыя дні працаваць на палях, прапалвалі цапкамі пасевы капусты, буракоў і іншых культур. У канцы чэрвеня мяне разам з суседам па жыллю Смусянком Васілем Васільевічам накіравалі выхавальнікамі ў Халопенічы, каб змяніць там Чапоўскага Ўладзіміра Міхайлавіча. Апрацоўваць палі ў той мясцовасці ўрочную было вельмі складана. Інструменты былі вельмі затупленымі, на палях было многа камянеў (я ўпершыню сутыкнуўся з гэтай прыроднай з'явай), а пустазелле было такім густым і высокім, што вызваліцб бурачок ад яго было справай праблематычнай. Населены пункт Халопенічы па колькасці жыхароў немаленькі, а працаваць на поле выходзіла невялічкая колькасць. Большасць працавала на прамысловых прадпрыемствах.

Тыдня праз два нас з Васілем Васільевічам змяніў Краўчанка Георгі Феафанавіч. Васіля Васілевіча ўзялі выхавальнікам у энэргетык, а мне месца там не знайшлося, я паехаў у Астрагляды.

Каб наглядаць за Ірынай і Дзімай, жонка Таццяна ўзяла адпачынак і некалькі тыдняў працавала ў энергетыку кухонным працаўніком.

Як і што будзе з намі і Астраглядамі ў бліжэйшы час, мы не ведалі да канца жніўня. У чэрвені і ліпені веску мылі з пажарных машын вадой з парашком, вывозілі кусты ягад і кветак, пераворвалі і перакопвалі зямлю, каб зменьшыць узровень радыяцыі. У школе пастаянна працаваў радыемерыст, які правяраў якасць прадуктаў і вады, якія ўжывалі ваенныя і «партызаны». Правяралі прадукты і тых мясцовых жыхароў, якія жадалі даведацца аб іх прыгоднасці. Я насіў на праверку дзве курыныя тушкі. Яны аказаліся непрыгоднымі для ўжывання. Адзін з мясцовых рыбаловаў, Жора, прынес ад-

аўтобусаў да вывазу дзяцей. Зараз дакладна не памятаю, але аўтобусаў мы чакалі некалькі дзён. Зранку ўсе дзеці і настаўнікі збіраліся ў школе, а потым нам тэлефануюць: сёння аўтобусаў не будьзе… У адзін з гэтых дней нам патэлефанавалі: усё будьзе добра, пажар патушылі, ніякай эвакуацыі не будзе. Як мы ўсе тады ўзрадаваліся: “Ура!!! Перамога!!! Усё будзе добра!” Увечары мы з бліжэйшымі сябрамі сабраліся ў нас дома, святкавалі “перамогу” А на наступны дзень ўсё паўтарылася. Зноў збіраем дзяцей і чакаем… На гэты раз чакаць давялося не вельмі доўга. Амаль усіх дзяцей вывезлі ў піянерскія лагеры каля Гомеля, частку з Брагінскай васьмігадовай школы ў Лоеўскі раён. Настаўнікі паехалі з дзецьмі ў якасьці выхавацеляў (мая жонка таксама, бо сына на той момант забрала да сябе бабуля (мая маці) ў Магілёўскую вобласць.

У гэтыя ж дні я ўбачыў карціну, якая мяне ўзрушыла так, што забыць і зараз немагу. Гэта пажылыя жанчыны з клункамі за спіной (усё, што дазволілі забраць з 30-кіламетровай зоны), яны чамусьці ішді па Савецкай вуліцы Брагіна і да жудасці напомнілі мне дакументальныя кадры бежанцаў з фільмаў аб Вялікай Айчыннай вайне. Вельмі доўгі час пасля мы называлі ўсе падзеі гэтага часу так: “вайна”, або “гэта было яшчэ да вайны”…

Потым у нейкай штодзённай мітусні прайшоў травень… Напрыканцы траўня ўсіх дзяцей з пад Гомеля перавезлі ў піянерскія лагеры Мінскай вобласці. У Брагінскай васьмігадовай школе размясцілі ваенных (медсанбат), якія былі там да канца верасня. Усё лета прайшло ў розных незразумелых пасяджэннях, камандзіроўках у піянерскія лагеры да дзяцей (дзеці з маё школы былі чамусьці у двух розных месцах). За чатыры месяцы сустрэўся з жонкай і сынам можа 2-3 разы. А ў жніўні даведаліся, што Астрагляды і навакольныя вёскі таксама адсяляюць. Гэта значыць, што нам таксама трэба некуды з’язджаць. На гэты час мяне выклікалі ў райвыканкам і сказалі, што выдзяляюць двухпакаёвую кватэру, а жонка будзе працаваць у Брагінскай васьмігадовай школе разам са мной. Жонка мая ў гэты час працавла ў лагеры разам з Астраглядаўскай школай, мусіў сам сабраць такія-сякія рэчы і перавезці ў Брагін.

Паколькі мы былі выхаваны вельмі свядомымі і патрыётамі роднай зямлі, то засталіся яшчэ на 6 год у Брагіне. Там мы жылі,

працавалі і ўдзельнічалі ў грамадскім руху за адсяленне дзяцей з забруджаных раёнаў. Неаднаразова ездзілі ў Гомель, Мінск на мітынгі і пікеты (у той час яшчэ за гэта не затрымлівалі і не арыштоўвалі). Сустракаліся і з С.С. Шушкевічам, на той час старшынёй Вярхоўнага Савета.

Але гэта ўжо ўспаміны зусім праіншае.

Полей Григорий Ильич

д. Крюки, колхоз им. Ленина Брагинский р-н

Я, Полей, Григорий Ильич, до взрыва 26.04.1986 г. проживал в д. Крюки, колхоз им. Ленина. В состав колхоза входили деревни: Крюки, Михалевка, Кулашин, п. Шалибор. 26.04.1986 г. ночью около пяти утра ко мне приехали теща с Украины с Житомирской области, привезли внуков, т.е. Моих двух сыновей старших, а младший родился 26.03.1986 г. д. Крюки в Комаринском роддоме и находился с нами дома в д. Крюки. Теща, когда по дороге ехали домой, говорила, что что-то у вас тут произошло на АЭС. Рассказывала, что толпы людей идут через железнодорожный мост в сторону Беларуси. Даже поезд остановился пропустить людей через мост (р. Припять). По приезду к нам домой д. Крюки она уже это рассказала и моей жене (своей дочери), но конкретно ничего не было ясно.

Утром 26.04.1986 г. я после планерки в конторе колхоза им. Ленина поехал в деревню Михайловка на перевозку скота около восьми утра (на планерке утром еще никто ничего не знал о взрыве на АЭС). Ехал я на служебном мотоцикле. Из д. Крюков до д. Михайловки через поле было до 2 км напрямик. По приезду на ферму в д. Михайловка меня первым встретил скотник Иван Зиновенко и говорит: «Григорий Ильич, вы слышали, что Чернобыльская АЭС взорвалась?». Я говорю, что ничего не слышал о взрыве, но под утро моя теща, которая приехала с Житомирской области, привезла детей на лето к нам и говорила, что что-то случилось у вас на станции, потому что очень много народа стоит возле железной дороги и на мосту, даже поезд остановился, чтобы пропустить людей через

іх прыйшло многа, а ў 1 класе, дзе вучыўся сын Дзіма, было некалькі чалавек. У аўторак у 1 клас прыйшло двое вучняў — наш сын ды Смусянок Люда, пагэтаму іх адпусцілі дадому. Урокі з імі не праводзіліся.

А 8 мая на сходзе школьнага калектыву нам аб'явілі, што вырашана арганізавана эвакуіраваць усіх вучняў школы, аўтобусы прыедуць раніцай гадзін у 8-9. Класныя кіраунікі павінны былі скласці спісы вучняў, што засталіся ў весках, паведаміць ім аб поўнай эвакуацыі.

9 мая раніцай каля будынка школы сабраліся вучні Астраглядаўскай і Багушоўскай школы, некаторыя бацькі. Сонца падымалася, стала спякотна. Некаторыя з вучняў пайшлі ў будынак школы, каб схавацца ад спякоты. У сувяўі з гэтым, мне дaручылі наглядаць за супраць пажарнай бяспекай і парадкам, быць «на тэлефоне». Прачакалі мы некалькі гадзін, але аўтобусаў не дачакаліся. Перадалі, что аўтобусаў не хапіла, эвакуацыя адмяняецца.

Эвакуіравалі вучняў у нядзелю 11 мая пад Гомель, у піянерскія лагеры Чонак і Кленак. А мы ў гэты дзень садзілі бульбу. Калі працавалі, мяне паклікалі да тэлефона ў доме Кулакоўскай Ніны. Званіў дзядзька Аляксей з Мазыра, хацеў даведацца аб тым, як складваюцца абставіны. Я расказаў, што садзім бульбу, дзяцей жонка адвезла зноў у Гомель да сваякоў. А калі ен спытаў пра радыяцыю, тэлефон адключыўся. Мабыць, спецслужбы добрасумленна нясли вахту. Я працаваў у невысокім абутку. Насыпалася ўчас працы невялічкая частка глебы. Калі мыў ногі, заўважыў пакрасненне скуры з больш яркімі чырвонымі кропачкамі каля падошваў ног. Значыць, радыяцыя сваю справу рабіла!

Многіх настаўнікаў накіравалі выхавальнікамі да вучняў у лагеры. Былі створаны некалькі груп. Я разам з Краўчанка Кацярынай Афанасьеўнай, Смусянок Юляй Піліпаўнай, даронька Кацярынай Трафімаўнай працавалі з дзецьмі у Чонках. Тут знаходзіліся і мае Ірына з Дзімай. Мы дапамагалі дзецям у самаабслугоўванні, арганізована вадзілі ў сталовую, кожны дзень хадзілі ў душ для «змывання радыяцыі», складалі спісы вучняў для замены ім адзення і абуўкі, суправаджалі для праходжання лячэння тых, каму назначалі яго. Нас, дарослых, прасілі дапамагчы прыбраць леташняе апалае

працавала прадаўцом у гаспадарчым магазіне, цешча была на пенсіі, была мая любімая работа.

А бяда прыйшла адтуль, адкуль не чакалі яе.

Пра тое, што недалека будуецца атамная станцыя і чыталі, і па тэлевізары глядзелі, і я некалькі разоў сваімі вачыма бачыў гэтую будоўлю, калі ездзіў да сваіх сястрычак у паселак Прыпяць іх праведаць ды мясных прадуктаў купіць.

Той вясной 1986 г. я па курсоўцы лячыўся ў Кіславодскай здраўніцы. Тэрмін лячэння заканчваўся 3 мая. А тут па тэлевізары аб'явілі дзесьці 30 красавіка, ці 29, што адбылася невялікая аварыя. Хто з адпачываючых ведаў, адкуль я прехаў, сталі пытаць у мяне, што там такое адбылося, што з сям'ей будзе, з другімі жыхарамі. У тыя часы пазваніць дамоў было праблематычна. На ўсю веску было толькі некалькі тэлефонаў, патрэбна было заказваць размову. Пагэтаму я паспяшыў дамоў. Самалетам «Мінводы-Гомель» вечарам прыляцеў у Гомель, а раніцай 2 мая аўтобусам прыехаў у Брагін (аўтобус ішоў не праз Хойнікі, а праз Холмеч). Было сонечна, жарка, ветрана. Не цярпелася хутчэй даведацца, што з сям'ей. Дабірацца ў Астрагляды вырашыў папутным транспартам. На душы было неспакойна. Калі стаяў на трасе каля Брагіна, хацелася схавацца ад спякоты, ад ветру, які дзьмуў з паўднёвага захаду. Я яшчэ не ведаў, што быў высокі ўзровень радыяцыі, што радыеактыўны ед накаплівае шчытавідка.

Калі прыйшоў дахаты, жонка расказала, што дзяцей і цешчу забраў у Гомель зяць Леанід, каб абараніць іх ад радыяцыі. А на пытанне, што робіцца ў весцы, адказала, што садзяць вяскоўцы бульбу. Многія ўжо засеялі агароды, і нам неабходна садзіць бульбу.

3 мая ў суботу ўрокаў яшчэ не было, але я пайшоў у школу, каб азнаеміцца з тым, як і што рабіць далей. Дырэктар школы Давыдоўскі Васіль Іванавіч сказаў, што школа працуе па раскладзе, будуць і надалей праводзіцца урокі.

А ў нядзелю зяць сваім «Жыгуленкам» прывез нашых дзяцей у Астрагляды. Гаворыць, што па радые і тэлевізары кажуць, што вялікай небяспекі няма, а ў кватэры дзеці сядзець не хочуць.

У панядзелак, 5 мая, праводзіў урокі, але многіх вучняў у школе не было, іх бацькі або аставілі дома, або адправілі далей ад Брагіна до Родзічаў ці сваякаў. У 6 класе, дзе вучылася дачка, яшчэ

мост. Иван Зиновенко стал рассказывать мне, что произошло ночью 26.04.1986 г. в 12.30 ночи на АЭС. Его зять работал в милиции г. Припять. В выходной зять с другом поехали на рыбалку на лодке и встали под мостом напротив АЭС. За опорой моста закинули сети и тут небо озарило красным пламенем. Они бросили снасти и выглянули из-за бетонной опоры в сторону АЭС. Увидели высокий столб огня, поспешили домой. Потом зять взял годовалого ребенка на руки в одеяло, следом жена, и они пошли через ж/д мост к родителям в д. Михайловка. Пришли под утро и рассказали родителям в деревне о взрыве на АЭС. Ну и поползли слухи о взрыве, о диверсии. Говорили, кто что знает. Официальных заявлений не было.

Все люди продолжали работать, как ни в чем не бывало. На третий день нас, коммунистов, меня и председателя колхоза вызвали в райком г. Брагин. На совещании в зале райисполкома выступил военный генерал-майор (такой худой высокий) и сказал, что произошел взрыв. Но в течение трех дней все будет устранено. Все нормально, чтобы не поддавались панике.

Но на третий день к нам приехали врачи на машинах из Минска. Сказали всем собраться на улице днем около 12 часов дня. Будем брать кровь из пальца у всех жителей деревни на анализ. Привезли собой шесть фляг по 40 л спирта 96%-ого медицинского, давали каждому по 50 г и белый порошок (йодистый калий?). Они ночевали у меня в доме, у председателя колхоза, и потом они уехали, толком ничего не сказав. Сказали только, чтобы вывозили детей отсюда и побыстрее. Некоторые, у кого был транспорт, вывезли детей сразу, кто как вывозил. Во-первых, была такая идеология — все делалось втихаря: каждый, кто вывез, молчал, а на других кивал за глаза всякую чушь. Я вывез своих детей из всего поселка. Последнего — 1 мая, взяв колхозный ГАЗ-52, попросив у председателя. Вывез жену и детей к родителям в Чемирисы (они находятся в 65-70 км от АЭС). Там была целая эпопея с переездом детей и моей жены. Без слез не описать: опять Украина, Житомирская областная больница, у всех троих моих сыновей (3 года, 2 года, 1 месяц) диагноз — лучевая болезнь. Хотели брать пункцию спинного мозга. Но там вызвали мать я дядю, который приехал из Крыма г. Саки и был в гостях на Украине в д. Сытное Емельчанский р-н. Он выкрал мою жену и троих

детей из областной больницы (больница была под охраной) через окно. Вызвали такси и убежали в деревню за 300 км от Житомира. Врачи кинулись искать, но теща схавала детей и жену (свою дочь) у своих соседей и те не выдали. Так моя теща спасла жизнь моим детям.

А я, Полей Григорий Ильич, коммунист, тогда мне было 26 лет, остался эвакуировать людей, имущество, скот. Людей загоняли в автобусы ЛАЗ и вывозили в д. Острогляды, в школу. Но люди наутро сбегали и пахали огороды. Их опять выдворяли. Говорили, возьмите на три дня продуктов, одежду и все будет нормально. Но ничего нормального не было. Я последний закрывал ферму в Михайловке 06.05.1986 г. где-то около 16:00, потому что говорили, что в 18:00 будут делать взрыв на АЭС, чтобы побыстрее произошло разложение урана и тогда будут заселять людей назад в деревню. Но взрыв не делали и никто больше туда никогда не вернется, потому что уже прошел 31 год. И никому это не надо и не нужно этого делать, ведь после взрыва очень большой процент заболеваемости среди людей, животных. Но это все по сей день окутано мраком, какой-то тайной, неясностью (брехнею). Суставы болят, путевки бесплатные отменили, пенсионный возраст для ликвидаторов — 55 лет мужчины и 50 лет женщины — ликвидировали. Как хочешь, так и живи...

Дмитриенко Софья Ивановна

Добрушский р-н

Эхо Чернобыля

В ночь с 26 на 27 апреля в канун Пасхи в г. Припять (в то время назывался Янов) на Украине взорвалась ЧАС (3-4 блок). Не обошла стороной и наши деревни: Богуши, Хатуга и п. Печи. Вокруг этих деревень росли леса и сады. От деревни Богуши 500 м рос сосновый лес, березовые рощи, где было много грибов и ягод зем-

весак: Багушоў, Хатучы, Вязка, Дуброўнага, Кругрудкі.

З сардэчнасцю успамінаецца мною школьны педагагічны і абслугоўваючы калектыў, якім кіраваў дырэктар Кошмар Сяргей Паўлавіч, былы франтавік, які выкладаў гісторыю і грамадазнаўства ў старэйшых класах. Школа была добра аснашчана вучэбнымі сродкамі. Напрыклад, у кабінеце гісторыі, прасторным і светлым знаходзіліся кінаапарат «Украіна», тэлевізар «Гарызонт», магнітафон, дыяпраектар «Лектар», фільмаскопы, вялікая колькасць дыяфільмаў па розных вучэбных тэмах і для пазашкольных мерапрыемстваў. А яшчэ гістарычныя карты, схемы, табліцы, грампласцінкі, фота, метадычныя і спецыяльныя дапаможнікі, падручнікі. Усе гэта зазваляла правесці ўрок на высокім узроўні, цікава для вучняў.

У 1984 г. мая сям'я пераехала жыць у Астрагляды. Пасяліліся мы ў будынку былой драўлянай аднапавярховай школы. Тут размясцілася пяць сямей: сям'я Смусянкоў, Кранчанкаў, Варанцоў, Віктораў і мая — Юрчанкаў. Усе сем'і мелі дзяцей школьнага і дашкольнага ўзросту, якія пасля заняткаў і ў канікулы гурбой гулялі ва двары. У кожнай сям'і быў агарод. Калі патрэбна была дапамога, далека бегчы не трэба было. Вакол будынка абышоў — і падмогу знайшоў. Такая акалічнасць мне падабалася. Ды і з мясцовымі жыхарамі мы сябравалі, ім дапамагалі, яны там дапамагалі то з конікам, то з тэхнікай.

Жылося нам добра. У весцы працавалі некалькі магазінаў, сталовая, КБА, сельсавет, клуб, медпункт, паштовае адзяленне, стаматалагічны кабінет, лазня, кантора саўгаса. Некалькі разоў за дзень курсіраваў рэйсавы аўтобус праз Астрагляды да Брагіна, а з трасы можна было ехаць да Гомеля і Мінска. У саўгаснай сталовай пяклі свежыя і духмяные булачкі, коржыкі. Школьная сталовая славілася смачнымі катлетамі. Саўгас Астрагляды спецыялізаваўся на вырошчванні садавіны, морквы, шчаўя, памідораў, агуркоў, часнаку, капусты. Для штучнага паліву пачалі ствараць сістэму копанак-вадасховішчаў, глыбіней да 4 м, куды закачвалася падземная вада. Стварылі бы лі некалькі такіх сажалак. Можна было каля іх пазагараць, у спякотны час і пакупацца.

Думалася, што гэтае жыццё у Астраглядах будзе доўжыцца доўга. Сын Дзіма і дачка Ірына вучылыся ў школе. Жонка Таццяна

дали. Две недели его там обследовали и не могли поставить диагноз. Потом обнаружили лимфоузел. Отправили на Минск, где мы услышали страшное заключение — лимфосаркома. Он сгорел, как свеча, за три месяца. Говорил хотя бы один раз в руках подержать пенсию. Когда ему стали оформлять группу инвалидности, мы плакали вдвоем. Но группу оформить так и не успели. Ушел из жизни в иной мир. Какую он боль и муку нес, знаем только он и я. Не дай бог никому

Вот так погибают ликвидаторы, которые переселены с Богушей в д. Корма Добрушского района. Многие из наших переселенцев умерли в основном от онкологии. Моя мама 2 декабря 1986 г. ушла из жизни. Она не перенесла переселение. Болезнь одна — однкология. И многие наши односельчане, особенно мужчины, не дожили до пенсии (тоже онкология). Чтобы написать вам про этих людей, что ушли из жизни, я не имею точных данных.

Юрчанка Мікалай Міхайлавіч

агрогородок Перарост, Добрушскі р-н

Астрагляды — адна са старэйшых весак Брагінскага раена, вядомае дзесьці з 13 стагоддзя. Перад Чарнобыльскай трагедыяй Астрагляды — веска ў некалькіх соцен двароў, цэнтр сельсавета, цэнтр саўгаса «Астрагляды». У гэту веску я быў пераведзены на працу настаўнікам гісторыі з 1 верасня 1983 г. Да гэтага часу я меў педагагічны стаж у 18 гадоў, з іх пасля заканчэння ў 1975 г. Магілеўскага педагагічнага педагагічнага інстытута 8 гадоў стажу настаўнікам гісторыі і фізкультуры Сцепаноўскай васьмігадовай школы ў Брагінскім раене. З цягам часу напаўняльнасць класаў у ей скарацілася, яе статус змянілі, яна стала пачатковай. Трэба было мне шукаць новае месца працы. У райана прапанавалі працу ў Астраглядаўскай сярэдняй школе, дзе патрэбен быў настаўнік гісторыі.

Тыпавы трохпавярховы будынак Астраглядаўскай сярэдняй школы пабудаваны ў прыгожыя месцы, акружаны дрэвамі і кветкамі. У ім навучыліся рабяты не толькі з Астраглядаў, а і з суседніх

ляники. Красивое озеро, около самого леса, разделяло д. Богуши и Хапуга. Все это принадлежало совхозу «Острогляды» Брагинского района. В это время сеяли огороды, готовились к великому светлому празднику Пасха. Первое время эта весть была под большим секретом. У кого малые дети, стали вывозить к родственникам по городам, подальше от 30 км зоны. Но все это не верилось. Односельчане продолжали сеять картошку, садить огороднину и другие культуры. Я, Дмитриенко Софья Ивановна, в этот период работала в библиотеке СДК. Односельчане наши работали на полях и фермах, в школе и магазине весь май месяц. По указанию председателя сельсовета Виниченко Елены Тимофеевны я была отправлена на перепись населения в д. Богуши и п. Печи, по отселению жителей в д. Везок, Острогляды и Дубровное. А также перепись приусадебных участков. Потом началась сдача коров, свиней и других животных. Все уходило за бесценок. Только птица не принималась, оставалась на произвол судьбы.

По народной молве шла речь, что готовят шахту и хотят захоронить 3 и 4 блок ЧАС. Люди были в большой панике, кто выезжал из деревни, кто прятался в подвалах. Очень боялись второго взрыва. Кто оставался и жил, было позволено пить йод и много жидкости. Дети наши находились дома со мной, а муж, Дмитриенко Петр Михайлович, учитель, готовил детей к эвакуации в лагеря и санатории. По приказу нашей амбулатории должны были срочно вывезти детей из этой зоны. Дочь наша, Ирина Дмитриенко, заканчивала 10 класс ОСШ и готовилась поступать в Мозырский педуниверситет, сын Алексей заканчивал 3 класс. Их вывезли в г. Мариуполь к родственникам. Там сразу ликвидировали их одежду и положили в больницу на обследование. У сына была большая радиация, он месяц лежал в больнице, т.к. он дома катался на велосипеде и любил рыбалку.

Я из Мариуполя вернулась домой и приступила к работе. В июне месяце всех школьников вывезли в лагеря и санатории. С ними уехал мой муж (учитель).

В конце июля началась эвакуация д. Богуши, Хапуга и п. Печи. Все оборвалось, люди склонили головы, не знали, где деть свою душу. Бросая все нажитое, брали клуночки и чемоданчики, с поникшими головами уходили в неизвестность. Кто налаживал

на себя руки, кто терял сознание. Опустела деревня, нет ни души, только петухи, что остались, пробовали свои голоса. С деревни я и со мной была моя мама Марченко Елена Петровна, выезжали последними. Идем, бывало, по деревне с ней, так жутко и сумно: нет детишек, ни единого человека. Этого не передать. Крик души человеческой...

Всем было жаль покидать такую красоту, как наши деревни. Перед этой бедой ЧАС была построена в Богушах новая школа, дом культуры, новый магазин. Расстраивались фермы, на полях выращивали огороднину, картошку, зерновые. Все было. Когда я разговаривали с ветеранами Вов, они мне сказали, что воевали за родину и свободу, а за что теперь идет такая страшная невидимая война?! В наши деревни был пост военных, которые пропускали людей только по пропуску и, уходя из деревни, отдавали пропуск. Потом поселились солдаты, которые мыли дома, охраняли наши измерения, мерили дозиметрами радиацию. Все ходили только в респираторах.

Когда нас выселили в д. Везок, мы жили 3 семьи в маленьком домике, где приютила нас Данченко Мария Григорьевна. Люди пожилого возраста не могли смириться с тем, что они не вернутся никогда. Да и мы, все переселенцы, жили года два с надеждой, что нас вернут домой.

П. Печи был ближе к лесу и сильно большая радиация. В течение месяца копали котлован, дом погружали и закапывали. Кто из хозяев присутствовал при этом, теряли сознание. На все было смотреть очень больно. Когда шли колоннами машины, а в них полный кузов солдат в респираторах, колонны автобусов, которые вывозили детей и людей — это душе разорваться и не жить. В августе месяце разрешили нам убрать зерновые, картошку и огороднину. Надо было чем-то питаться. Но забрать и увезти нам не разрешили.

Первый этап отселения проходил быстро в течение 2 дней. Потом в сентябре месяце шло распределение поэтапно кого куда: в Добрушский район, Дубовый Лог, Корма (119 чел.), огородня (19 чел.), Жгунь, Носовичи. 75 семей были распределены в Кормянский сельсовет. В октябре месяце подогнали машину, где мы проживали в д. Везок, меня и мою сестру, Павлюченко Нину Ивановну и ее детей, привезли в д. Огородня, поселили в нежилой дом, где крысы бегали по стенах и др. пр. Мы с сестрой и мужем переночевали, ночь проплакали и, оставив свои клунки, вернулись обратно в д. Везок. Потом решили приехать к руководителю колхоза «Оборона» к д. Корма и поговорить с ним. Это было председатель колхоза Мигурский Петр Степанович. А парторгом был Зиневич Александр Викентьевич. Ответ был такой — достроим дома в Огородне и дадим вам дом. Работу предоставили в д. Корма — библиотекарь детской библиотеки.

Переселение в Корму принесло много трудностей и переживаний. Этот дом, где живу в настоящее время, отдали пенсионерам, проживающим в д. Огородня, им не понравился, они отказались. Тогда, только благодаря Зиневичу А.В., отдали ключи от этого дома нам.

Все остальные 119 человек из Богушей были заселены в д. Корма, 16 человек — в д. Огородня. Я трудилась в хорошем коллективе, где заведующая была Зиневич Ольга Васильевна. Вместе проработали много лет. С уважением и теплотой души отнеслись ко мне директор районной библиотеки Агеева Елена Ивановна, методист Киян Лидия Васильевна и зав. отдела культуры Толкачева Надежда Герасимовна, которой уже нет в живых, Бернядская Анна Денисовна и другие работники библиотеки и культуры. Низкий поклон им всем и огромное спасибо.

Но а мужу, Петру Михайловичу Дмитриенко, было сложнее. Проработал 4 года в школе-интернате д. Огородня, потом школу расформировали. В Кормянской школе мест не было, и его направили в д. Голое в школу учителем преподавать уроки физкультуры и географии. Добираться надо было 18-20 км. В Богушах много лет работал директором школы. Очень любил свою работу и учеников. В 1997 г. ехал на совещание в Добруш на автобусе и потерял сознание. Доставили в районную больницу, где два месяца лечили ангину. На выходных отправляли домой. Дома температура 40-41. Горит огнем, плохо. Я позвала врача односельчанина Кузьменко Леонида Федоровича. Он осмотрел его и сказал мне, что никакой ангины здесь нет. Есть покраснение, но от этого такой температуры не должно быть. В понедельник поехали вместе в районную больницу и я потребовала направление в областную больницу в г. Гомель. Направление